

Ольга Герр

16+

ЖЕЛАННАЯ

Ольга Герр Желанная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67412289

SelfPub; 2022

Аннотация

Я отказалась от всего и отправилась в другой мир ради исполнения заветного желания. Но ведьма, что помогла мне пересечь границу миров, забыла предупредить о последствиях. Желание сбылось, но какой ценой! Я угодила в мир варваров и магии, мужчины здесь грубы и не считаются с мнением женщин. Теперь желаю не я, а меня. Но они не учли одного: я не средневековая женщина, я – жительница 21 века. И если я проиграю, то только любви.

Содержание

Глава 1. Переселение	4
Глава 2. На новом месте	11
Глава 3. Мирный совет	21
Глава 4. Военный совет	32
Глава 5. Будешь моей	40
Глава 6. «Прежняя я»	50
Глава 7. Мародеры	58
Глава 8. Покорная	70
Глава 9. Прислужница	82
Глава 10. Казна	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ольга Герр

Желанная

Глава 1. Переселение

Если и существует баба-яга, то она именно такая: седые волосы космами спускаются на плечи, крючковатый нос с бородавкой, бесцветные глаза. Я словно угодила в сказку. Того и гляди, посадят на лопату и засунут печь. Вот, кстати, и она в углу.

– Как звать-то? – голос старухи был под стать фольклорной внешности – каркающий, хриплый, но пахло от нее приятно – травами. И одета она была опрятно: светлое платье и цветастый передник не вписывались в образ старой ведьмы.

– Анна, – представилась я.

– О чем мечтаешь, Анна? – старуха усмехнулась беззубым ртом, указав мне на колченогую табуретку.

Я с облегчением села. Потолки в избе низкие, я пригибала голову, чтобы не задеть связки трав, развешанные повсюду. Теперь в волосах полно травы, словно я с любовником резвилась на сеновале.

Как меня сюда занесло? В магию, ведьм и прочую чепуху я не верю. Но когда человек в отчаяние, он готов на все. А я дошла до точки. Уже и не помню, у скольких врачей побы-

вала, сколько процедур перепробовала. Все без толку. В последний визит репродуктолог отводила глаза и бормотала о том, что не всем можно помочь. Она не сказала этого вслух, но я не тупая, поняла: я как раз из тех, кому помочь нельзя.

Детей у меня не будет. Мне сорок два года. Позади с десяток ЭКО, проданная машина и двушка обмененная на однушку (на процедуры нужны деньги), куча долгов и одиночество. Родители умерли, личная жизнь не заладилась. Заветная мечта стать матерью оказалась несбыточной. Поэтому я здесь – в богом забытой деревне сию напротив незнакомой старухи, надеясь, что она как-то все исправит. Люди говорят: старуха творит чудеса, а я чертовски нуждаюсь в чуде.

Сама не заметила, как рассказала все старухе. Словно на приеме у психолога побывала. Слова лились и лились из меня, вместе с ними лились слезы. Хотя я не собиралась плакать, более того считала унижительным демонстрировать свои слабости на людях.

Старуха слушала, кивала, а когда я замолчала, обошла меня несколько раз кругом и вынесла вердикт:

– Безнадежно, – покачала она головой. – Не будет у тебя детей. Это тело не способно выносить и родить.

– И что же мне делать? – в груди что-то оборвалось. Нить, связывающая меня с жизнью. Плечи опустились, я ссутулилась.

– Сменить тело, – старуха ответила так, будто это что-то само собой разумеющееся. Будто каждый день сотни людей

только и делают, что меняют тела. Раз – и новая обертка.

Не знаю, почему в ту же секунду не ушла. Просто ноги не слушались. Старуха несла явный бред – в ее возрасте маразм обычное дело.

– На что ты готова ради исполнения своего желания? – прищурилась старуха, снова присаживаясь напротив меня.

– На что угодно, – пожалала плечами. – Мне терять нечего.

– Откажешься от работы, друзей, от всего что знаешь и что тебе дорого?

– Не велика потеря. Работа у меня такая, к месту не привязана. Я – переводчик. А кроме пары подруг у меня и нет никого. Но у них семьи, дети. Вряд ли будут по мне скучать.

– А ты по ним?

– С этим я как-нибудь справлюсь.

– Пути назад не будет. Это решение невозможно отменить, – предупредила старуха.

Я кивнула, так как в горле пересохло. Странное покалывание в кончиках пальцев быстро распространилось на все тело. Это был не страх, а скорее предвкушение. Точно вот-вот произойдет что-то грандиозное.

– У меня высокий тариф, – старуха заговорила как заправский бизнесмен, что не вязалось ни с ее образом, ни с обстановкой.

– Я привезла деньги.

Я достала из сумки пухлую пачку налички, перетянутую резинкой. Ровно сто тысяч. Старуха забрала пачку и, послу-

нявив палец, пересчитала купюры.

Это мои последние сбережения. Глядя, как старуха убирает деньги в карман на переднике, я испытала укол жадности. Куда она тратит деньги? Не похоже, что на дом. Изба давно покосилась и нуждается в ремонте. Крыша протекает, а половые доски местами сгнили.

До того было жаль расставаться с деньгами, что я сказала:

– Я слышала, у таких, как вы – людей с божьим даром – считается грехом брать плату за помощь.

– Не сравнивай. Я не все. Другие дают иллюзию. Помашут руками над головой и говорят – ступай домой, милочка, все будет хорошо. Я ничего не говорю, я делаю.

– И что вы сделаете? – я по привычке кусала губы.

– Я дам тебе тело способное зачать и родить. А дальше уже сама.

Я часто заморгала, переваривая услышанное. Не то, чтобы я была против, но за столько лет сроднилась с этим телом и менять его не планировала. Я обхватила себя за плечи, словно обнимая друга перед долгой разлукой.

– Идем-ка, – старуха поманила меня пальцем.

Мы вышли на улицу. Моя провожатая шикнула на кур, и те разбежались с нашего пути. Встав посреди двора, старуха задумчиво крутилась вокруг своей оси, что-то высматривая. В итоге ее взгляд зацепился за колодец.

– Ага, – улыбнулась она. – Кто бы подумал, что твой путь будет водным. Я-то полагала твоя стихия огонь. Внешность

бывает обманчива.

– Вы так решили из-за цвета моих волос? – я дернула себя за рыжий хвост. В молодости мои волосы можно было назвать огненным, но теперь они поблекли. Все со временем приходит в упадок и красота прежде всего. В уголках глаз уже залегли морщины, фигура оплыла из-за приема гормональных. Сейчас вряд ли кому-то придет в голову сделать мне комплимент, а ведь раньше от ухажеров отбоя не было.

– Чем болтать, лучше помоги, – старуха уперлась руками в деревянную крышку, накрывающую колодец.

Вдвоем мы кое-как сдвинули ее в сторону, а потом и вовсе сбросили на землю. Изнутри повеяло сыростью, но пахло не водорослями, а чистой родниковой водой.

– Что видишь? – поинтересовалась старуха, имени которой я так и не спросила. Все не до того было.

– Колодец с водой.

– А ты приглядиись, посмотри глубже.

Я послушно склонилась над колодцем. Вода плескалась далеко внизу. Расстояние до нее превышало мой рост. Глубокий, видать, колодец. От воды поднимался холод. Если она родниковая, то должна быть ледяной. От глотка такой сводит зубы, а в животе появляется ощущение, будто съел Арктику.

– Что видишь? – переспросила старуха.

– Блики на воде, – откликнулась я, но осеклась на полуслове.

Причудливый танец солнечных зайчиков сложился в по-

разительно четкую картину: кровать с плотным балдахином и кистями, на ней двое – мужчина и женщина. Он вылитый медведь. Бородатый, грудь и руки покрыты густой порослью. Хоть и лежит, чувствуется, что рослый, а плечи шире моих раз так в три.

Она похожа... на меня. Это странно и неестественно. Но в девушке определенно есть что-то от меня. Правда, она моложе лет на двадцать. Ее можно принять за мою младшую сестру.

Они спят. Причем он по-хозяйски забросив на нее руку. Что-то подсказывает: это не случайные любовники. Скорее, муж и жена.

Я так увлеклась видением, что совсем забыла, где я и с кем, а потому толчок в спину оказался полной неожиданностью. Пальцы вцепились в камень, но соскользнули. Я полетела головой вниз в колодец.

Последнее, что услышала, слова старухи:

– Перерождение не дается легко. Чтобы родиться заново, перво-наперво надо умереть.

Вода поглотила меня сразу и целиком. Я расставила руки в надежде нащупать стены колодца – не так уж он широк – но схватила пустоту. Стен не было, как не было и дна, от которого можно оттолкнуться и всплыть. Повсюду лишь ледяная вода. Куда подевался колодец?

Ноги свело судорогой, я практически их не ощущала. Борьба за жизнь закончилась так же быстро, как началась.

Прежде чем захлебнуться, я почувствовала на губах соленый привкус моря. Но разве в колодце не пресная вода?

Это вряд ли возможно, но из колодца я как будто угодила напрямиком в открытое море. Если быть точной в холодное и недружелюбное северное море. Увы, это знание не облегчило моей участи.

* * *

– Аааааа!

Я пришла в себя от вопля, терзающего уши. Первое, что увидела – балдахин. Плотный, с кистями. Я лежала на спине. На кровати. Где же море? Где вода?

Испуг подбросил меня вверх – я резко вскочила на ноги. Голова закружилась от стремительного движения.

– Ааааа!

Вопль все продолжался, и я поискала его источник. Орала молодая девушка, одетая словно жительница средних веков.

– Ааааа, – от страха я завопила вместе с ней.

Девушка на что-то указывала дрожащей рукой.

– АААААА, – заорала я вдвое громче, посмотрев в том направлении.

На кровати, с которой я вскочила секунду назад, в луже крови лежал мужчина. Из груди у него торчал кинжал.

Глава 2. На новом месте

К старухе я приехала утром, сейчас была ночь. В комнате царил полумрак. Детали интерьера едва проступали в сумерках, но я отчетливо видела огромный кинжал – настоящий тесак. Его рукоять украшали узоры и камни. Словно пик горы он торчал вверх. Острие глубоко вошло в грудь мужчины, пригвоздив его к матрасу.

Я узнала мужчину мгновенно. Он был в том видении, в колодце. Лежал рядом с девушкой, похожей на меня. Настоящий медведь. Теперь уже мертвый медведь. Алая лужа, что растеклась под ним, пропитав простыни, не оставляла в этом сомнений. Я не врач, но очевидно, что после такой потери крови не выжить. Остро пахло алкоголем. Но и я, и девушка были трезвы. Запах шел от покойника. Похоже, его последний вечер удался.

Девушка, наконец, закрыла рот, и комната погрузилась в благословенную тишину. Сама я уже сорвала горло и молчала.

Меня бил озноб. То ли от пережитого стресса, то ли от холода. В комнате было морозно. Аж пар изо рта шел. А на мне только тонкая сорочка. Джинсы и футболка куда-то подевались. Должно быть, меня вытащили из колодца и переодели. Причем давно – волосы уже просохли. Я взглянула на девушку в поисках ответов, но она была слишком напугана

и понимала, что происходит, не больше моего.

Облизнув губы, я ощутила на них солоноватый привкус. Значит, не показалось, вода в колодце действительно была морской. Откуда она в деревне в центральной части России?

Из коридора донесся топот нескольких ног. Кто-то услышал наши вопли и торопился на помощь. Секунды не прошло, как дверь в комнату открылась, ударившись о косяк. Громкий бух, и мы с девушкой одновременно вздрогнули.

Вошли двое мужчин с масляными лампами в руках и старуха. Я непроизвольно дернулась к ней, решив, что это моя мучительница, но быстро поняла свою ошибку. Ничего общего между пожилыми женщинами не было. У этой царственная осанка, волосы даже посреди ночи заплетены в косу и уложены вокруг головы, да так умело, что ни одна прядка не выбилась. Хотя ей не меньше шестидесяти, двигалась она с грацией присущей молодым. На ум приходило всего одно прилагательное – величественная. Она явно играет здесь не последнюю роль.

Мужчины почтительно расступились, пропуская женщину к кровати. Она взглянула на покойника, и ее губы дрогнули. Женщина на миг прикрыла глаза, справляясь с чувствами. Когда она их открыла, ее лицо уже было непроницаемо. Ни единого следа эмоций.

Повернувшись ко мне, женщина осмотрела меня. Я тоже склонила голову, взглянуть на себя, и увидела, что белая сорочка покрыта бурыми пятнами крови. Тошнота подступила

к горлу. Мужчину убили, когда я спала рядом. Повезло, что меня пощадили. Что за ужас здесь творится? И почему все так странно одеты, а вместо электричества масляные лампы? Я что угодила в секту чокнутых любителей старины?

– Арестовать! – женщина указала на меня крючковатым пальцем.

Я попятилась от надвигающихся мужчин. Бежать и сопротивляться бесполезно. Эти две горы скрутят меня, пикнуть не успею.

Мужчины взяли меня под руки и вывели в коридор. Ушли мы недалеко. Буквально до соседней комнаты, куда меня грубо втокнули и закрыли дверь. Я осталась одна, но сильно не обольщалась – наверняка сторожат.

Желая это проверить, присела на корточки и посмотрела в замочную скважину. Ну точно, стоят. Два истукана. Мимо них не прошмыгнуть. Может, окно? Я оглянулась. Таковое имелось, хотя больше походило на щель в стене.

Выглянув в окно, первым делом обратила внимание на странное стекло: мутное, из кусочков, соединенных между собой. Можно подумать, люди разучились делать нормальные, большие стекла. Но потом я перевела взгляд на пейзаж. Он меня так потряс, что я, забыв обо всем, на добрых пятнадцать минут застыла изваянием.

Комната располагалась на уровне второго этажа. С одной стороны до самого горизонта простиралось море, с другой – равнина. Там, где море и равнина встречались, земля обры-

валась вниз отвесным склоном. Из воды то и дело торчали острые пики скал. Вздумай корабль подойти к берегу, разобьется о рифы.

Волны бились о берег, пенясь и разбиваясь на сотни брызг. Растительности практически не было. Лишь редкие чахлые кустики прорастали между серых камней.

Небо сверкало звездами, но, сколько не вглядывалась, луны не заметила. Ее словно не существовало. Именно ее отсутствие, а вовсе не северное море, убедило меня в том, что я очутилась далеко от дома. Так далеко, что вряд ли когда-нибудь вернусь. Как там говорила старуха – пути назад нет? Я впервые поверила в ее слова и перестала считать их сказками.

Но как же я на нее зла! Не нашлось, что ли, другого способа исполнить мое желание? Она могла хотя бы предупредить, что меня ждет. Вдруг я бы отказалась? И прожила остаток жизни, так и не познав радости материнства... Замкнутый круг.

Лишь отвернувшись от окна, я смогла думать. Женщина, приказавшая меня арестовать, говорила не на русском, а на странном диалекте, напоминающем англосаксонский. Я – переводчик, владею английским в совершенстве, а также французским и испанским. И все же приспособиться к языку будет не просто. Слишком он древний. Пока говорят медленно, еще улавливаю суть, но если затараторят или попадетсЯ кто-то глотающий окончания, я поплыву.

Но это полбеды. Гораздо хуже, что меня заподозрили в убийстве. И, в общем-то, есть за что. Мы с убитым спали в одной постели. Моя одежда в его крови. Основная улика против меня – я жива. Будь убийцей кто-то посторонний, с какой стати ему щадить меня? Получается, я либо сама убила, либо состою в сговоре.

Вот такая неприятная ситуация. И совершенно неясно, где я, как здесь очутилась и что теперь делать.

Из окна не выбраться – внизу только скалы и смерть. Я осмотрела комнату в поисках других путей отступления. Каменные стены, ничем не прикрытые. Грубая мебель – кресла из чистого дерева, на сиденьях лежат подушки, чтобы хоть как-то их смягчить. Камин, рядом шкура животного. Я поторопилась к последней. Если еще минуту простою босыми ногами на ледяном полу, заработаю цистит.

В камине потрескивали дрова, это был единственный источник тепла и света. Я присела рядом с огнем и протянула к нему руки в попытке согреться. Есть у меня догадки насчет того, куда я угодила, но они настолько фантастические, что в них сложно поверить. Не один человек в здравом уме не поверил бы. Путешествие во времени? Или сразу в параллельную реальность? Звучит как бред. А я вроде не сошла с ума, так что решила до последнего цепляться за надежду все логически объяснить.

Меня вытащили из колодца, после чего отправили в больницу. Я была так плоха, что русские медики не справились,

и меня перевели в клинику за границей. Например, в Норвегию. Не знаю, есть ли у них крепости, но северное море точно есть. Только это какая-то странная больница и персонал с приветом...

Как ни крутила пазлы, картинка не складывалась. Больниц с подобным уровнем антисанитарии не существует. Да и с каких пор в медицинских учреждениях пациенты спят по двое на койке?

Надеюсь, я лежу в коме, и мне все это мерещится. Потому что это явно не мое тело. Я не видела себя в зеркале, их не было поблизости, но руки точно не мои – слишком молодые. И ноги, покрытые редкими светлыми волосами. Я вообще-то слежу за собой. К тому же у меня тридцать девятый размер, а у этих ног максимум тридцать седьмой. И вот это – тело не мое – ужасало сильнее всего. Как такое возможно? Куда подевалась бывшая хозяйка? Где теперь «прежняя я»? Надеюсь, я не причинила ей вред своим появлением.

Дверь открылась неожиданно, впуская уже знакомую пожилую женщину и двух мужчин. Последние встали у порога, а она подошла ко мне. Я поднялась на ноги. Мы с женщиной были одного роста, но она как будто смотрела на меня сверху вниз.

– Ты убила моего сына, – заявила женщина.

Она говорила медленно, четко проговаривая слова. Понять ее не составляло труда. Но сама я не спешила открывать рот. Сперва познакомлюсь с диалектом.

– Как ты посмела поднять руку на мужа?

Муж? Вот так новость. Оказывается, я уже и женой по-была, и успела стать вдовой. Закралась непрощенная мысль: может, правда я убила? То есть не совсем я, конечно, а та, что была до меня. Вот это я попала.

– Тебя будут судить, – заявила женщина, видя, что я молчу. – Я велела не поднимать шум. Крепость осталась без той-она, – последнее слово не поняла, но предположила, что это звание. Убитый занимал важное место в иерархии.

– Его смерть сулит беды, – говорила, между тем, женщина. – Хватает тех, кто хочет занять его место. Чем позже узнают о гибели Вилфреда, тем лучше для всех.

Она уже обращалась не ко мне, а к тем двоим, что пришли вместе с ней. Мужчины кивнули в ответ. На моих глазах зрел заговор с целью скрыть убийство. Только для меня это ничего не меняло.

Вилфред – я мысленно повторила имя убитого. Оно никак не отозвалось в сердце. Он был мне чужой. Горевать о незнакомце не получалось. Это плохо. Отсутствие слез по мужу истолкуют не в мою пользу.

– Твою судьбу решат позже, – напоследок сказала, как выяснилось, моя свекровь. – Как только соберется мирный совет.

Меня снова оставили одну, но ненадолго. Вскоре пришла женщина лет тридцати. Она была замкнута и тиха, и одета не так хорошо, как мать убитого. Видимо, прислуга.

Женщина помогла мне смыть кровь и переодеться. Первой чистая сорочка, потом нижнее платье из тончайшей шерсти и, наконец, кафтан с расшитым поясом. Волосы мне заплели в косу, обернув ее вокруг головы – копия прически свекрови.

Я молча подчинялась служанке, а сама обдумывала побег. То, что отсюда надо бежать, не сомневалась. Я видела в глазах матери убитого свой приговор: однозначно смерть. Помилованием там и не пахнет. Как, впрочем, и состраданием. Я не могу ее винить. Все-таки погибший был ее сыном. Как женщина, я отлично ее понимала.

За окном рассвело, но освещение почти не изменилось. Тучи закрывали солнце, а узкое окно не пускало свет в комнату. Унылое место. Нет, точно надо поскорее уносить ноги. Мне бы только выскользнуть в коридор, а там... Додумать эту мысль не успела – дверь снова распахнулась. Я обернулась на звук и застыла. В комнату вбежал мальчик лет трех. У него были кудрявые рыжие волосы и синие глаза, а еще милые ямочки на щеках. Они появились, когда ребенок мне улыбнулся.

– Мама! – малыш протянул ко мне руки и шагнул навстречу.

Осознание прошибло меня молнией: старуха выполнила свою часть сделки. Я – мать. В то же мгновение я поняла, что никуда не сбегу. Просто не смогу. Никогда и ни за что не брошу сына.

Едва наши взгляды встретились, и с губ ребенка слетело заветное «мама», я пропала. Все мое «я» отозвалось на этот призыв. Я не помнила, как родила этого мальчика, я не растила его, но все равно была его матерью. Этот ребенок мне родной – я остро ощущала нашу близость. Он – часть того тела, в котором сейчас нахожусь. Эта связь незримая, но прочная. Если существует память тела, то это она.

Я упала на колени и развела руки. Ребенок тут же бросился в мои объятия. Прижимая его к груди и глядя по шелковым волосам, я плакала.

– Какой же ты красивый, какой славный, – шептала, покрывая его лоб, глаза и щеки поцелуями. – Мой мальчик, мой малыш.

– Ивар! – окрик заставил дернуться нас обоих. Вслед за ребенком в комнату вошла дородная женщина лет пятидесяти. – Кому я велела не покидать детские покои? Простите, миледи, – это уже ко мне, – не уследила.

– Что вы, – ради такого дела я рискнула заговорить. – Я рада, что он пришел. Можно он немного побудет со мной?

Женщина смутилась:

– Как вам угодно, миледи. Кто я такая, чтобы спорить с вами.

Итак, мое положение прояснилось. Я – жена (теперь уже вдова, но об этом еще никто не знает) некоего тойона. Сложно сказать, насколько велики мои полномочия, но слуги подчиняются. По крайней мере, их женская часть. Мужчины же

выполняют приказы свекрови. Она пользуется большим уважением, чем я. Именно ее следует опасаться в первую очередь. К тому же она ненавидит меня. Чтобы это понять, не надо обладать особой проницательностью.

Но, несмотря на все свалившиеся на меня неприятности, я наслаждалась новой ролью. Мы с малышом играли и смеялись до упаду, пока няня не сказала, что Ивару пора обедать. Я отпускала его неохотно, вбирая в себя любовь ребенка, как губка – воду. Кто знает, увижу ли его еще?

Чуть дверь за няней и мальчиком закрылась, как я потребовала у служанки зеркало. Оно отличалось от привычных. Бронзовое, с резной рамой и ручкой. Отражение получилось неясным и искаженным, но мне хватило.

На вид мне лет двадцать. Неожиданное омоложение. А еще я сбросила килограмм пятнадцать, не меньше. Новое тело было стройным и гибким. Я и в лучшие годы не могла похвастаться столь тонкой талией и длинными волосами.

Внешность походила на мою, и я не испытала шока, не узнав свое отражение. Но главное – это тело способно рожать. Оно уже произвело на свет сына и в состоянии выносить других детей.

Мое заветное желание исполнилось. Остался «суший пустяк» – выжить.

Глава 3. Мирный совет

Чтобы себя занять – от безделья в голову лезли пугающие мысли о грядущем суде – я заговорила со служанкой, имя которой подслушала из ее разговора с другими.

– Руна, – обратилась к ней, – откуда ты?

– Я родом из Ригии, миледи, – она отвечала, опустив глаза в пол. – Это на юге от Ибрии.

Я присмотрелась к женщине. У нее были черные волосы и смуглая кожа. Тогда как у местных, включая меня, волосы с рыжиной, а кожа – светлая.

Незнакомые названия мало что мне сказали, но представление о мире дали. В первую очередь о том, что этот мир не мой.

– Как ты сюда попала?

– Морем, – прошептала она.

– Похоже, здесь все, так или иначе, прошли этим путем, – вздохнула я, вспомнив колодец с соленой водой, который оказался вовсе не колодцем.

– Мой корабль разбился о скалы. Я выжила и стала рабыней, – Руна кивнула на окно.

Я поежилась, представив, через что прошла Руна. Не хотела бы очутиться на ее месте. Я посочувствовала ей, в какой-то степени мы обе здесь заложницы.

– Вы никогда раньше мной не интересовались, – добавила

рабыня.

– Я изменилась. Я пережила суший кошмар. Это заставило меня по-другому взглянуть на жизнь, – сочиняла на ходу. – Расскажи о родине, – попросила Руна. Такой шанс узнать о мире хоть что-то грех упускать.

– В моей стране много солнца, – она мечтательно прикрыла глаза, – и света. Люди там улыбаются и смеются.

– Похоже, это отличное место.

– Так и есть, – кивнула Руна.

– Скучаешь?

Она как-то странно на меня посмотрела, словно я шпион, выведывающий тайную информацию. Следующие слова Руна произнесла совсем другим тоном – чересчур серьезным и сухим:

– Что вы, миледи, я счастлива, что попала в Ибрию. Теперь это мой дом, и я люблю его.

Сказанное от начала до конца было ложью. Но кто я такая, чтобы спорить?

– Ты много где бывала в Ибрии? – спросила о другом.

– Только здесь – в крепости рода Арвид. Такие, как я, не путешествуют. Какой в этом смысл? Чем другие крепости отличаются от нашей? Да и опасно это. Клань воюют между собой с тех пор, как не стало короля. С его уходом жизнь в Ибрии стала хуже. Не удивительно, что люди до сих пор молятся о его возвращении.

Я не дышала, так заинтересовал меня рассказ. Столько

информации в паре предложений! Особенно привлекла история о короле, но услышать ее в этот раз не довелось.

В дверь постучали. Впервые за все время. Прежде все только и делали, что входили без спроса.

Явился слуга с обедом. Еда была простой: овощное рагу, немного мяса, кажется, кролика или кого-то похожего и чай из трав. Все без соли и сахара. Очень пресно.

Я едва притронулась к пище. Из-за волнений кусок в горло не лез.

– Вы недовольны, миледи Алианна? – спросила Руна.

– Как ты меня назвала?

– Вы не запрещали произносить ваше имя, – изменилась в лице рабыня.

– Конечно, не запрещала, – поспешила ее успокоить, а то еще лишится чувств. – Но лучше зови меня Анна. Мне так больше нравится.

– Миледи Анна, – послушно повторила Руна.

Удача, что мое старое имя пусть и частично совпадает с новым. Если выживу, постепенно переучу всех на свой лад.

Ближе к вечеру за мной явились. Те самые молчаливые двое, что сторожили меня с тех пор, как я очнулась в кровати с трупом. Они куда-то повели меня. Пока шли, я осматривалась, но глядеть было особо не на что. Кругом камень. Стены, пол, потолок – все из него. Серый или коричневый. Гладкий от времени, а еще холодный. Местами покрытый инеем.

Шаги отдавались эхом, разносящимся далеко, и это при

обуви из мягкой кожи. В редких залах, которые мы миновали, было чуть веселее. Присутствовала мебель – обычно столы да лавки. И обязательно камин. Они сердце любой комнаты. Источник тепла и света.

Навстречу часто попадались люди. Кто-то одет попроще, кто-то побогаче. Но и те, и другие приветствовали меня поклоном. Судя по тому, как люди вели себя со мной, от них утаили, что меня подозревают в убийстве мужа. Но о самой смерти уже известно. Повсюду печать скорби – на лицах, на черных скатертях, что накрывают столы, на приспущенных знаменах. Скрыть само убийство не удалось, как свекровь не старалась.

Мы прошли длинным коридором с горящими на стенах факелами, через ряд помещений, в одном из которых жарили свинью прямо в камине. И, наконец, прибыли в зал со стульями. Кроме них здесь ничего не было. Внимание привлекало разве что отсутствие одной из стен. Ее заменяли колонны, за которыми был обрыв и море. Этакая средневековая веранда. Только прогуляться по ней совсем не тянуло. Отсутствие перил и ледяной ветер на корню убивали желание полюбоваться видом.

Одиннадцать стульев со спинками выше человеческих голов стояли в ряд по стене напротив колонн. На спинках стульев – синие знамена с изображением медузы. Под рисунком надпись, видимо, девиз. Но я не могу прочитать, недостаточно хорошо знаю язык.

На стульях сидели одиннадцать мужчин в возрасте, перед ними стояла мать убитого. Других свидетелей не было. Меня тоже поставили лицом к заседающим. Суд начался.

Первой взяла слово мать погибшего. Она выступала в качестве прокурора:

– Я – Гунхильда дочь Зигмунда, жена Альфа, мать Вилфреда, Торвальда и Давена, обвиняю Алианну дочь Освальда, жену Вилфреда, мать... – она все говорила и говорила, перечисляя имена. Исключительно мужские. Складывалось впечатление, что женщин в этом мире не существует. Или они не считаются людьми, достойными упоминания.

Наконец, она перешла к сути:

– В том, что она убила моего старшего сына Вилфреда, тойона этой крепости, главу рода Арвид.

На этом моменте я наострила уши. Вот и раскрылась тайна звания «тойон» – это глава крепости. Похоже, я была женой местного начальника. Ключевое здесь слово «была».

– Она зарезала его во сне, как скотину, – свекровь злобно на меня покосилась. – В то время как он спал и был беззащитен.

Гунхильда ничего не забыла упомянуть: и то, что я была наедине с мужем в спальне, и то, что мои руки испачкались в крови мужа. Уверенность, с которой она обличала меня, не оставляла шансов на помилование. Я видела по лицам судей: они согласны с обвинением.

– Что скажешь на это, женщина? – я не сразу сообразила,

что старец в центре обращается ко мне.

– Невиновна, – заявила, выпрямив спину до хруста в позвоночнике.

– Твои оправдания.

– Я любила мужа. Мы много лет прожили в браке, я родила ему сына, – я надеялась, что не ошиблась в предположениях о жизни «прежней меня». Вроде все сходилось. – Муж обеспечивал меня всем, что я пожелаю. Я была хорошей женой. Зачем мне убивать его?

– Но тойон Вилфред, между тем, мертв, – заметил старец. – Как это возможно?

– Кто-то пробрался ночью в нашу спальню и зарезал его, пока я спала рядом. Он нарочно оставил меня в живых, чтобы подозрение пало на меня. Я крепко спала и проснулась, лишь когда закричала служанка. Почему вы не обвиняете ее? Зачем она пришла в спальню?

– Она явилась разбудить тойона, как он велел накануне, – отмахнулась свекровь.

– Может и так, – согласилась я. Спасая себя, подставлять незнакомую девушку не хотелось. Сама как-нибудь выкручусь. – Но она зашла в спальню без препятствий, а значит мог войти и убийца.

Старцы погрузились в раздумья, пока Гунхильда сверлила меня неприязненным взглядом. Она не ожидала, что я выступлю в свою защиту? Что ж, я полна сюрпризов и не собираюсь сдаваться без боя.

Пока старцы совещались, Гунхильда шепнула мне:

– Не надейся выкрутиться, тебя признают виновной, и я буду просить о праве лично столкнуть тебя со скалы. Как мать убитого, я имею на это право.

Она кивнула на якобы веранду, и я догадалась, для чего она здесь. Стену снесли вовсе не ради морских красот. Это самая настоящая плаха. Если судьи выносили обвинительный вердикт, его тут же приводили в исполнение – скидывали преступника в море. И не надо далеко ходить. Очень удобно.

Послушать Гунхильду: я из этого зала уже не выйду. Не верилось, что моя новая жизнь закончится так быстро и бесславно.

Только узнать вердикт судей мне сегодня было не суждено – в зал вбежал запыхавшийся мальчик. Он говорил быстро, сбиваясь из-за одышки, я не разобрала ни слова. Но не надо владеть языком, чтобы понять: случилась беда.

Все вскочили с мест, заметались, и только я вздохнула с облегчением. Вынесение приговора откладывается. Чтобы там не стряслось, я этому рада.

Вскоре хаотичное движение приобрело направленность – люди устремились к выходу. Я в том числе. Что-то будто толкало меня в спину, и отнюдь не простое любопытство. Я обязана быть там, со всеми. Откуда-то знала, что это важно, а главное поможет мне. Я списала странные ощущения на память тела и доверилась ему. Другого союзника все равно нет.

Вслед за Гунхильдой вышла на грязный двор, где земля от сырости превратилась в месиво. Поднялась вместе с ней по каменной лестнице на стену, откуда открывался вид на дорогу к воротам.

Рва не было, и всадники, вызвавшие переполох, подъехали к воротам. Их было четверо, но вдалеке виднелось еще как минимум пятьдесят наездников. Я плохо разбираюсь в военном деле, но даже мне ясно, что нас берут в осаду и, возможно, скоро будет штурм. Но прежде начались переговоры.

Вперед выехал всадник с накинутым поверх одежды меховым плащом. Капюшон скрывал его лицо, но мне хватило вида плеч. Передо мной воин. И сильный. Плащ зрительно увеличивал и без того мощную фигуру, и я почувствовала себя маленькой и жалкой. А ведь мужчина пока по ту сторону ворот. Что будет, если он войдет в крепость?

– Гунхильда, – мужчина приблизился к воротам и ударил в них кулаком. Мне показалось, стены содрогнулись. – Открывай! Я знаю, что Вилфред мертв.

– Кто тебе донес, Торвальд? – выкрикнула свекровь, свесившись со стены, высота которой была метров пять. Переговариваться и даже видеть друг друга можно без проблем.

Мужчина снял капюшон и запрокинул голову:

– Не все люди так верны тебе, как ты думаешь.

Я с интересом рассматривала незнакомца. Его щеки покрывала щетина, но даже она не скрадывала острых скул. Глаза чуть раскосые, внимательные как у хищной птицы. У

него были выбраны виски и затылок, в каштановые волосы кто-то вплел синюю ленточку. Точнее когда-то лента была синей, сейчас цвет едва угадывался, и я скорее почувствовала, что она синяя – под цвет его глаз – чем увидела.

В мужчине ощущалась стать. Он не простой переговорщик. Не удивлюсь, если всадники подчиняются ему.

И тут он заметил меня. Его взгляд выхватил меня из толпы на стене и уже не отпускал, словно я животное, угодившее в силки. Я вцепилась в камень, чтобы не упасть, так резко закружилась голова.

– Алианна, – губы мужчины растянулись в улыбке, но ее нельзя было назвать приветливой. Он походил на охотника, засекшего добычу. – Прикажи открыть ворота. Это в твоих интересах.

Я молчала, не зная, что ответить. Теперь на меня смотрел не только воин за стеной, но и те, кто стоял рядом. Они как будто чего-то ждали. Неужели моего решения?

– Я знаю, что Гунхильда приготовила для тебя. Не пустишь меня и погибнешь. Я клянусь, что ни тебя, ни твоего сына не тронут.

При упоминании Ивара сердце болезненно сжалось. Его судьба тревожила куда больше моей собственной.

Я лихорадочно соображала. Рядовые жители крепости в курсе смерти ее хозяина, но им не сказали, что в убийстве обвиняют меня. Это скрывают, недаром на суд не пустили посторонних. Для местных я – вдова господина. Мое слово

имеет вес. Как я решу, так и будет. Мужчина за стеной не просил бы меня открыть ворота, если бы не знал, что я могу это сделать.

Я понимала, что он представляет угрозу и немалую. Но выбирать приходилось меньшее из зол. Свекровь убьет меня при первой возможности. По мнению Гунхильды я лишила жизни ее сына. А незнакомец обещал неприкосновенность.

Где-то я читала, что в стародавние времена честь была превыше всего. Если мужчина дал слово, он держал его до последнего. Хотелось верить, что здесь действуют те же законы.

– Не вздумай, – Гунхильда уловила мой настрой. – Он ненавидит тебя. Надо быть дурой, чтобы надеяться, что он снова попадет под твои чары. Если впустишь его, он превратит твою жизнь в кошмар.

– Но я хотя бы буду жить, – заметила на это.

– Я хорошо его знаю. Он все-таки мой сын. И я говорю тебе – не открывай ворота. Уж лучше смерть, чем то, что он сделает с тобой.

От удивления я чуть не свалилась со стены. Вот так новость. Это не просто воин, а мой деверь. Что он за человек, если родная мать советует его не пускать? Но мне нет дела, ладят мать с сыном или нет. Я лишь хочу выжить.

Я пригляделась к свекрови. Будь в ее глазах страх, ни за что бы не приказала открыть ворота. Но его там не было. Злость и ненависть ко мне, старые обиды на сына – все при-

сутствовало, но она не боялась, и я сочла ее слова желанием меня запугать.

– Я выбираю жизнь, какой бы она ни была, – с этими словами кивнула воинам у ворот, чтобы открыли.

Мужчина за стеной победно улыбнулся. Увы, я не разделяла его радость. Страх, что совершила ошибку, не отпускал. Но что-то исправить было поздно – захватчики вошли в крепость.

Глава 4. Военный совет

Гунхильда покинула крепостную стену в ту же минуту, как механизм ворот пришел в движение. Я тоже не задержалась. Страх гнал меня прочь.

Едва войдя в главное здание, наткнулась на Руну. Женщина была бледнее пены на волнах и тряслась, словно припадочная. Но она вышла из комнаты, чтобы встретить меня. Вот это отвага.

Схватив за руку, Руна потянула меня к лестнице и вскоре привела в спальню.

– Переждем здесь, миледи Анна, – сказала она, подперев дверь креслом. Откуда в хрупком теле столько силы?

– Что переждем? – уточнила я.

– Захват крепости.

– Какой же это захват? Мы сами открыли ворота. Считаешь, сдались.

– Все так, – кивнула Руна. – Но наемники обязательно это отпразднуют.

– Звучит так, будто это не праздник, а оргия какая-то.

Рабыня передернула плечами. Живя в крепости, она повидала такие праздники, от того и не хотела в них участвовать. Я не возражала. Руне лучше знать, как вести себя в подобной ситуации.

Из окна в моей комнате было видно лишь море да поле,

и я понятия не имела, что творится сейчас во внутреннем дворе. До слуха долетали отдаленные звуки: крики, лязг металла, обрывки песен, нетрезвые голоса. Пару раз в комнату пытались войти. Ломились в дверь словно быки, таранящие забор. Тогда мы с Руной хватались за руки и, зажмурившись, каждая молилась своему богу.

Нам посчастливилось – кресло выдержало. Трещало, гнулось, но не позволило двери открыться. Кому-то повезло меньше. Я слышала визг девиц, которых вытаскивали из комнат, и пьяный смех мужчин, довольных развлечением. Но со временем и то, и другое переходило в сладостные стоны. Не похоже, что кто-то остался в накладе.

Постепенно звуки стихали, отдалялись, сосредоточиваясь где-то под нами на первом этаже. И чем тише они звучали, тем сильнее я нервничала. Буквально сходила с ума от беспокойства за Ивара. Будучи не в состоянии усидеть на месте, нарезала круги по комнате. В итоге не выдержала – бросилась к двери, отодвигать кресло.

– Нет, миледи, не делайте этого, – Руна кинулась мне наперерез.

– Там мой сын, – сказала ей. – Ты должна понять.

Она поняла. Я видела это по глазам. Отступив, Руна понурила голову.

– Как уйду, снова подопрю дверь, – велела я ей. – Не пускай никого кроме меня.

Я не просила рабыню пойти со мной, хотя она могла под-

сказать устройство крепости. Но ее страх был слишком велик. Она бы скорее выпрыгнула из окна, чем вышла из комнаты.

Коридор встретил тишиной и разрухой. Двери в большинство комнат стояли распахнутыми настежь. Проходя мимо, я лишь раз заглянула внутрь и наткнулась на служанку в разорванном платье. Она спала на полу в объятиях голого мужчины. Оба выглядели довольными.

В крепость проникли разврат и пьяное веселье. Они гуляли по коридорам как полноправные хозяева. Разумнее было и дальше отсиживаться в комнате. Те, кто забаррикадировался, находились в безопасности. Мне на пути попадались закрытые двери. Кажется, я даже слышала, как испуганно за ними дышат обитатели крепости.

Но что если за одной из открытых дверей Ивар? Что если я нужна ему? Материнский инстинкт толкал меня вперед. Та, что была до меня, обожала своего мальчика, я ощущала это каждой клеткой нового тела. Она бы скорее погибла сама, чем позволила причинить ему вред. А еще она была сильной и смелой. Не то что я.

В крепости слишком много помещений, а я не понятия не имела, где детская. Поэтому просто шла на звук, рассудив, что надо отыскать того, кто обещал неприкосновенность мне и сыну. Пусть держит слово.

Но прежде чем я нашла его, нашли меня. Я как раз достигла зала для пиршеств – назвала его так из-за множества

столов и лавок, а также гуляющего здесь народа – когда кто-то схватил меня сзади.

Я взвизгнула и дернулась, но мой протест проигнорировали. Незнакомый мужчина втащил меня в зал совсем как дикарь – за волосы и швырнул на стол. Я приложилась боком об угол, аж ноги подкосились, а перед глазами замелькали разноцветные круги.

Не дав мне опомниться, мужчина развернул меня к себе и снова толкнул к столу. На этот раз спиной. Я не устояла и повалилась на столешницу, а мужчина уже задирал подол платья, пока его губы присосались к моей шее. Борода кололась и щекотала, но было не до смеха. Мужчина был мертвецки пьян. Едва ли он соображал, что делает.

Он навалился на меня всем весом, невозможно было дышать. Неужели так и умру – задохнусь под пьяным мужиком?

Воздух уже целую минуту лишь частично наполнял легкие, и сознание поплыло. Я перестала ощущать чужие прикосновения – давящие и царапающие. Еще немного и насильник будет иметь труп.

Внезапно в моем положении произошли разительные перемены – насильник куда-то подевался, и я, разинув рот, жадно глотала воздух и все никак не могла насытиться. Постепенно пелена перед глазами спала, я увидела насильника лежащего на полу и своего спасителя. Он стоял надо мной и хмурился – тот самый воин из-за стены, обещавший мне неприкосновенность. Что ж, слово он не нарушил. Пока что.

Торвальд – так, кажется, называла его Гунхильда – сбил мужчину с меня ногой, просто пнув того в бок. Насильник пытался подняться, но хватило одного взгляда моего защитника, чтобы он передумал и остался на полу, сделав вид, что ему не до меня.

– Зачем вышла из комнаты? – спросил Торвальд недовольно. – Захотела развлечься?

– Искала сына, – я быстро поправила юбку, чтобы не соблазнять других, и собралась разразиться благодарностями, но мужчина, повернувшись ко мне спиной, уже шел прочь.

Я слезла со стола и топталась на месте. Такое пренебрежение обескураживало. Зачем спасал, если ему нет до меня дела?

Но тут Торвальд бросил лениво через плечо:

– Чего застыла? Идем.

Я медлила, не зная, на что решиться.

– Или хочешь остаться с ними? – спросил он, заметив, что я не двинулась с места.

Я оглянулась – позади стояли еще пятеро мужчин. Такие же пьяные, как тот, что пытался меня изнасиловать. Судя по голодным взглядам, они только и ждут, когда мой защитник выйдет из зала. Подобрал юбку, я кинулась за Торвальдом. Плевать, что он недостаточно вежлив. Не трогает и ладно.

Мы направлялись в зал, где днем меня судили. Мне не хотелось туда возвращаться, но я боялась потерять Торвальда. Казалось, пропади он из виду и тени, что притаились в углах,

набросятся на меня. В сознание прочно укрепилась мысль – моя жизнь зависит от этого человека.

Немного отдышавшись – приноровиться к размашистому шагу мужчины было нелегко – я отважилась спросить, где Ивар.

– С твоим сыном все в порядке, Алианна, – ответил мужчина. – Он в безопасности. Тебе не о чем тревожиться.

Я поверила. Он не походил на обманщика. Ему ни к чему лгать. Люди подобные ему привыкли все брать силой. Пожелай он убить моего сына, убил бы, и открыто об этом заявил. Что бы я ему сделала?

Я догадалась, что мужчина знаком со мной. Не со мной нынешней, а со мной прежней. И я не особо ему нравлюсь. Каждый раз глядя на меня, он болезненно морщился, словно ему неприятно смотреть в мою сторону. Дурной знак. Я бы предпочла видеть его другом, а не врагом.

Мы вошли в зал. Он был таким же и вместе с тем изменился. На стульях висели красные знамена, хотя рисунок и надпись сохранились. Речь в этот раз шла не о суде, а о принятии какого-то важного решения, и сидели на стульях другие мужчины. Не благородные старцы, а крепкие воины.

– Ты захватил крепость хитростью, воспользовавшись бабьей дурью, – проворчал один из них, обращаясь к моему спутнику.

Я едва удержалась от возмущенного возгласа. «Бабья дурь» – это про меня. Обидно, между прочим.

– И вы обязаны мне подчиниться, – заявил на это Торвальд. – Не вижу причин, почему военный совет может отказать мне в моем праве. Мой старший брат мертв. Я следующий в линии наследования. Я – ваш новый тойон.

– Не торопись, Торвальд, – ответили ему. – Есть еще Ивар. Он – истинный наследник Вилфреда. От отца к сыну, как тебе известно, от отца к сыну.

Торвальд скривился, как если бы упоминание отца мальчика встало ему костью поперек горла. Или дело в самом ребенке? Мой малыш – всего лишь досадное препятствие на пути другого. Что помешает Торвальду уничтожить ребенка? Данное под воздействием момента обещание неприятной ему женщине? Слабо в это верится.

– Ты клялся, – я вцепилась в руку Торвальда, повторяя как заведенная: – Ты клялся!

Он посмотрел на меня.

– На что ты пойдешь ради сына? – спросил Торвальд без тени улыбки.

Снова этот вопрос, и снова я произнесла, не задумываясь:

– На всё!

– Запомни свой ответ.

Одним движением он стряхнул мою руку с себя и шагнул ближе к заседающим воинам:

– Ребенок мал и несмышлен. Он не может управлять крепостью. Необходим регент.

– Ты предлагаешь себя? – нахмурился тот, что сидел в

центре.

– Да, – кивнул Торвальд.

– Какие у тебя права? Почему мы должны выбрать тебя?

– Она – его мать, – мужчина указал на меня, но его перебили.

– Гунхильда обвиняет эту женщину в убийстве Вилфреда. Ты знаешь свою мать, она не отступит, – сказал крайний справа воин. – Жизнь этой женщины под вопросом.

– Насколько мне известно, ее вина пока не доказана, – заметил Торвальд.

– Не доказана, – согласился центральный воин.

– Пока этого не случилось, никто не смеет оспаривать ее положение. Она – вдова Вилфреда и мать его наследника. Если она принадлежит мне, – произнес Торвальд, – то и ребенок принадлежит мне, а вместе с ним и крепость.

– А она принадлежит тебе?

Меня, само собой, никто не спрашивал. Но я помалкивала, кусая губы до крови. Сейчас от моего вмешательства станет лишь хуже.

– Пока нет, – усмехнулся Торвальд, – но скоро будет принадлежать.

– Совету потребуются доказательства, – предупредил воин.

– Я их предоставлю.

Глава 5. Будешь моей

Совет окончился, и мне разрешили навестить сына. Видеть его живым и здоровом – вот подлинное счастье. Мальчик даже не понял, что крепость захватили. Няня оградила малыша от праздника победы, и я думала, как ее отблагодарить. Должны же у вдовы хозяина крепости быть драгоценности. Обязательно подарю ей что-нибудь, только найду.

Единственное, что омрачало радость от встречи с сыном – разговор на совете. Я мало что из него поняла, но усвоила главное – мои испытания только начались. Да, я выжила, но теперь, похоже, придется выйти замуж за Торвальда, чтобы он занял место главы крепости. Что ж, не такая это великая плата за жизнь. Пусть мужчина пугает меня, я готова на эту жертву. Глупая, я просто не знала, что меня ждет.

Все случилось вечером через несколько дней после захвата крепости, когда я почти успокоилась и начала думать, что жизнь здесь не столь ужасна. Меня не трогали, разрешали видеться с сыном, кормили и одевали. Чего еще желать?

Я осваивалась и привыкала к новому миру. Сложнее всего было примириться с ночными горшками, а вот сон на жестком матрасе оказался приятен для спины. Да и гигиена здесь в почете: утренние умывания, дубовые ванны для купания – все на уровне.

Мне начинало здесь нравиться, а потом пришла Руна с

двумя незнакомыми девушками и принесла странного вида сорочку. Та сразу меня насторожила. Слишком красивая. Белоснежную тонкую ткань, похожую на паутинку, украшала вышивка и рюши. Такое не надевают под низ. Но и наверх ее тоже вряд ли носят, все-таки нижнее белье.

Меня раздели, искупали, заплели как обычно волосы в косу и уложили ее вокруг головы. Затем облачили в сорочку. На этом приготовления закончились.

Естественно, я заподозрила неладное. Приближается моя свадьба? Она здесь начинается с брачной ночи? Мысль о том, что придется переспать с Торвальдом, прежде не приходила на ум. А как без этого?

Но все было еще хуже – Руна распахнула дверь, предлагая мне выйти в коридор.

– Не пойду, – покачала я головой. – Не в этом виде.

– Но таков обычай, миледи Анна, – рабыня удивилась моей неосведомленности. – Вас уже все ждут.

Это ее «все» окончательно меня деморализовало. Забиться бы в дальний угол и переждать там неприятности. Я даже оглянулась, присматривая местечко поудобнее, но за порогом ждали двое наемников Торвальда. Их вид ясно дал понять: не пойду сама, поволокнут силой. И я покинула безопасную комнату, шагнув в коридор, а заодно в неизвестность.

Воины шли по бокам от меня. Когда до общего зала осталось шагов десять, и я притормозила, они взяли меня под руки и повели дальше. Фактически они несли меня. Носки

моих кожаных сапожек едва касались пола.

В зале было светло и душно. После холода и полумрака коридоров я словно угодила под палящее солнце и в первые секунды растерялась. Придя в себя, увидела сдвинутые к стенам столы. Там же были лавки, и на них ни одного свободного места. Люди сидели плотно, плечом к плечу: мужчины, женщины. Все чужие мне.

За те дни, что провела в крепости, не успела толком ни с кем познакомиться. Но эти люди знали меня прежнюю. Почему же на их лицах нет сочувствия? Мне бы сгодились любая эмоция. Но все смотрели равнодушно, а некоторые с неприязнью. Что за человек «прежняя я», если всем плевать на мою судьбу?

В центре зала напротив гигантского камина, в который я могла войти, не пригибаясь, лежала шкура медведя. Воины направились к ней. Они все еще держали меня за руки и правильно делали. Не будь этих тисков, убежала бы.

Теперь стояла лицом к «зрителям». Я не видела себя со стороны, но сорочка наверняка просвечивала. Слишком тонкой была ткань. Первой ко мне вышла незнакомая женщина с чашей в руках. В чаше что-то горело, нещадно чадя. Я закашлялась, случайно вдохнув дым. Женщина, не обращая внимания на мое удушье, окурила меня с головы до ног. Попутно она шептала что-то обрядовое, слов я не разобрала.

Следом из темного угла шагнул Торвальд. Он словно материализовался из тьмы, или это тени сплелись в его фигуру.

В любом случае выглядело пугающе. У меня во рту пересохло от страха и остро захотелось по маленькому.

Мужчина приблизился. От него пахло морем и чисто мужским ароматом. Он смотрел куда угодно, только не мне в глаза. Я пыталась поймать его взгляд, прочесть свой приговор, но он постоянно отворачивался.

Когда Торвальд встал напротив меня, заиграла музыка. Музыкант находился за пределами видимости – весь мир заслонил собой Торвальд, но я узнала лютню. У певца был приятный голос, немного высоковат для мужчины. В слова я не вслушивалась, не до того было. Я во все глаза смотрела на мужчину перед собой, гадая, как далеко он пойдет. Оказалось намного дальше, чем я в состоянии представить.

Торвальд взялся двумя руками за ворот моей сорочки и рванул ее. Ткань жалобно затрещала, я вторила ей стоном – на большее перехваченное спазмом горло было не способно. Одним ловким движением он разорвал рубашку до бедер, обнажая меня. Никогда еще не испытывала такого жгучего стыда.

Одно радовало: Торвальд встал так, чтобы закрыть меня от любопытных глаз. Случайность или желание защитить? Я решила не приписывать поступкам мужчины выдуманные мотивы. Желай он мне добра, меня бы здесь не было.

После мужчина отступил на шаг, подав знак воинам, что держали меня, и они повалили меня на спину. Мои плечи прижали к полу, а все потому, что я отчаянно вырывалась.

Не сдамся без боя!

Торвальд развел мои ноги и лег сверху. Он не разделся, лишь приспустил штаны. Его возбужденное достоинство уперлось во внутреннюю сторону моего бедра. Я ничего не видела, но и без того поняла, что размеры у него выдающиеся. Это напугало меня еще сильнее. Без прелюдии будет больно.

Торвальд, наконец, посмотрел на меня. Глаза у него были синие, глубокие, потемневшие от страсти. Он нависал надо мной, опираясь на руки, но не торопился входить. Будто давал мне время смириться с тем, что сейчас произойдет. Я была благодарна за эту передышку.

Пауза длилась всего мгновение, после чего мужчина подался вперед, входя, и снова замер, позволяя привыкнуть к своему весу и к нему самому. Можно сказать, он заботился обо мне. Как мог, как допускали обстоятельства.

Я прикрыла глаза. Чему быть, того не миновать. Вопреки ожиданиям больно не было. Лишь немного саднило, а чувство наполненности оказалось даже приятным. Что-то в теле отзывалось на этого мужчину, внезапно я была готова принять его.

То, что произошло между нами на глазах всех этих людей, нельзя назвать занятием любовью, это также не было сексом. Торвальд не целовал меня ни в губы, ни куда-либо еще. Ни одной лишней ласки. Только быстрые движения бедер, только хриплые стоны мужчины. Меня грубо поимели. Это было

стремительно. Это было унижительно. Но вместе с тем это было волнительно.

Не помню, в какой момент мои руки отпустили. Знаю только, что когда все закончилось, меня уже не держали. Ведь я давно перестала сопротивляться. Напротив вцепилась в плечи мужчины и двигалась с ним в такт. Правда, удовольствия это не принесло. Слишком быстро все завершилось. Но это и к лучшему. Не хочу, чтобы посторонние наблюдали за мной в пик наслаждения.

Закрыв глаза и сжав челюсти, Торвальд достиг апогея. Последние движения его бедер были ожесточенными, даже злыми, словно он ненавидел себя и меня за то, что происходит между нами.

Закончив, он встал, стремясь поскорее разорвать наш контакт, и кинул мне меховой плащ – прикрыться. Я натянула его до подбородка, хватит уже всем глазеть на меня. И так видели предостаточно. Прямо средневековое порно, и я в качестве главной героини.

– Теперь ты принадлежишь мне, – произнес Торвальд, застегивая ремень на штанах. – Обещаю любить тебя и заботиться.

Он умолк, и люди радостно заулюлюкали. Вероятно, это ритуальные слова. Вот так здесь заключаются браки – будущий муж имеет невесту при всем честном народе, потом клянется любить ее, и все счастливы, включая невесту? Я ошалела от местных порядков. Не хочу знать другие обычаи. Для

меня – простой русской женщины – это перебор.

– Расплети косу, ты больше не вдова, – бросил мне Торвальд, прежде чем уйти.

* * *

Руна с другими рабынями помогла мне подняться. Войны, сопровождавшие меня в зал, потеряли ко мне интерес. Теперь я могу свободно передвигаться по крепости. Хотя какой-то плюс во всем этом кошмаре.

Люди вставали с лавок. Мужчины наперебой поздравляли Торвальда с удачным выбором жены. Ко мне же никто не приблизился. Непонятно почему: из уважения к тому, что я пережила, или из неприязни. Но так даже лучше, я ни с кем не хотела говорить и тем более задерживаться в общем зале.

Руна проводила меня до спальни, но вместо уже ставшей родной комнаты, привела туда, где убили моего первого мужа.

– Зачем мы сюда пришли? – меня передернуло от вида кровати, на которой недавно лежал труп.

– Это спальня тойона и тойоны, миледи, – откликнулась Руна. – Ваше супружеское ложе.

– Это место, где мой муж истек кровью. Не желаю здесь спать.

Ради разнообразия решила побыть вредной. После сцены в общем зале могу себе позволить. Я наотрез отказалась оставаться в этой комнате, и Руна сдалась – мы вернулись в спальню, в которой я провела последние ночи. Там приняла

ванну, смыв с себя запах мужчины и легла в постель. Снизу доносились смех и музыка, но я не собиралась спускаться. Это не мое торжество.

Отпустив Руну, лежала без сна. На душе было мерзко, но я уже не в том возрасте, чтобы устраивать истерики. Может, тело у меня юное, но разум-то сорокалетней, и он подсказывает: злиться и рыдать над тем, что произошло, бессмысленно. Это чужой мир, чужие правила. Я могу быть сколько угодно против них, это ничего не изменит. К тому же я сама согласилась. Сказала, что готова на все ради сына.

Если хочу выжить, надо приспособливаться и быстро. Кисейная барышня здесь долго не протянет. Стоит поддаться слабости и начать себя жалеть, со мной будет покончено.

Я задремала лишь спустя два часа, наконец, поверив, что испытания этого дня позади. Рано радовалась. В середине ночи меня разбудила ударившаяся о косяк дверь.

Я подскочила на кровати. Дрова в камине прогорели, угли едва тлели, но даже в этом неверном свете узнала ночного гостя – явился новоиспеченный муж. Судя по тому, как он держится за стену и пошатывается, праздник удался.

– Почему возвращаясь в свою спальню, я не нахожу жену? – спросил он чуть заплетающимся языком.

– Я не могу там спать, – призналась честно.

– И ладно, – махнул он рукой. – Я тоже от той комнаты не в восторге.

Мужчина шагнул вперед, споткнулся, сумел-таки вернуть

равновесие и достиг цели. После чего рухнул на кровать – меня аж подбросило.

– Иди сюда, – он потянулся ко мне, но я отодвинулась на край. – Не упрямясь, теперь ты моя. Я могу делать с тобой все, что хочу.

– Звучит так, словно я – вещь.

– Ты – женщина, – пожал он плечами. – Это практически одно и то же.

Несмотря на изрядную дозу алкоголя в крови, двигался Торвальд проворно. Я опомниться не успела, как он подмял меня под себя, после чего потянулся ко мне, но я отвернула лицо.

– Что с тобой? – нахмурился он. – Раньше тебе нравились мои ласки.

Я мысленно застонала. Вряд ли он говорит о том, что произошло в общем зале. Неужели «прежняя я» была распутницей? Только этого не хватало.

Вспомнилось, как тело Алианны реагировало на Торвальда во время обряда. Не похоже, что оно было против близости. Что же связывает этих двоих? Ради выживания мне лучше это выяснить и как можно скорее.

– Сегодня мне не понравилось, – сказала, оттолкнув его руку.

– Злишься? Ты же понимаешь, что так надо. Нужны были свидетели, совет требовал доказательств. Будь ты девственницей, им бы хватило простыни со следами крови. Но ты

досталась мне после брата. Обряд публичности был необходимостью. Теперь никто не оспорит мое право на тебя и на крепость. Все видели – ты моя.

Да уж, все. Именно это и бесило. Но, несмотря на злость, краем сознания все же отметила: меня он поставил на первое место. Неужели для него я важнее, чем крепость?

Желая отвлечь мужчину от фривольных мыслей, я коснулась ленты в его волосах:

– Откуда это?

Другие воины не носили ничего подобного, и меня снедало банальное любопытство.

Мужчина приподнялся на локтях, всматриваясь в мое лицо. Сосредоточенный взгляд синих глаз смотрел осознанно. Или я преувеличила степень его опьянения, или он резко протрезвел от моих слов.

Я замерла, не дыша. Кто меня за язык тянул?

– Эту ленту в мои волосы вплела ты, Алианна, – произнес он. – Даже такая бессердечная дрянь, как ты, вряд ли это забудет. А значит..., – он задумался.

– Что? – прошептала, онемевшими губами.

– Ты еще хуже, чем я полагал.

Мужчина перекатился на спину, освобождая меня. Больше он ко мне не прикасался и вскоре уснул.

Из нашего разговора я вынесла важный урок: прежде чем задать вопрос, хорошенько подумай... и промолчи.

Глава 6. «Прежняя я»

Проснулась я одна, чему несказанно обрадовалась. Довольно общения с мужем. Надеюсь, он будет занят делами крепости еще долго, и мы не скоро увидимся.

Руна как всегда помогла мне умыться и одеться. В этот раз она заплела меня иначе. Тоже косу, но другую, похожую на знакомый «рыбий хвост». Рабыня оставила косу свободно свисать и выпустила несколько прядей у лица.

– Вам так больше идет, миледи Анна, – сказала Руна. – Хорошо не пришлось долго носить траур и эту ужасную вдовью прическу.

– Да уж, – вздохнула я, – мой траур был самым коротким в истории.

Благодаря Руне я узнала кое-что новое: прическа женщины говорит о ее статусе. Мне известны уже два положения: вдова – коса, заколотая вокруг головы, и замужняя – «рыбий хвост».

Но все это мелочи, куда более важные вопросы не давали покоя. Они касались меня самой. Ночью Торвальд намекнул, что мы были близки и, кажется, плохо расстались. Но он до сих пор носит ту ленту в волосах. За подробности этой истории я готова дорого заплатить. Но как спросить, чтобы не вызвать подозрений?

– Сколько ты уже мне служишь? – поинтересовалась у Ру-

ны. – Я что-то запамятовала.

– С тех пор, как четыре года назад, вы юной девой прибыли в крепость, миледи Анна.

– Ах, как быстро летит время. Кто бы подумал, что с моего приезда прошло уже четыре года, – сыграла я забывчивость. – Тебе нравится мне служить?

– О, вы добрая и щедрая хозяйка. Я каждый день благодарю богов, что мне выпала честь служить именно вам.

Я не верила ни единому слову. Ложь выдавали глаза Руны, а точнее то, как тщательно она их прятала, нахваливая мои достоинства.

– Скажи правду. Обещаю, тебе ничего не будет.

– Я бы никогда не солгала вам, миледи, – заверила рабыня.

– Хорошо, – вздохнула я, – зайдем с другой стороны. Когда я приехала в крепость, Торвальд в то время был здесь...

Это был не вопрос, а утверждение. Я опасалась спрашивать о том, что должна знать, чтобы не выдать свою неосведомленность. Я словно шла по минному полю, ну, или по тонкому льду, как не назови, суть одна. Страшно, что поймают, но еще и страшно любопытно.

– Все верно, миледи, – кивнула Руна. – Был. Торвальд покинул крепость уже после вашего замужества.

– Как я вела себя с ним? Я не была слишком груба, как тебе кажется?

– Что вы, миледи, вы были добры. Вели себя так, как и подобает невесте с женихом.

Я чуть не упала с лавки, но умудрилась сохранить каменное лицо. Ни в коем случае нельзя выдавать истинных эмоций. Но вот это новость – «прежняя я» была обручена с Торвальдом. Что же стряслось?

– Забавно, что в итоге я вышла замуж за его старшего брата, – каюсь, от шока из головы вылетело имя первого мужа. Местные имена не из тех, что быстро запоминаются.

– Что в этом удивительного? – пожала плечами Руна. – Вилфред Арвид был тойоном. Когда он захотел вас для себя, вы дали согласие.

– Но ведь могла отказать, – осторожно прощупывала я почву. Кто знает, может, и не могла. Не удивлюсь, если так.

– Конечно, могли, миледи, – развеяла сомнения Руна. – Но вы рассудили здраво: тойон лучше его младшего брата. Торвальд всего лишь второй в очереди на наследство. Старший получает все, остальные довольствуются ролью воинов при нем. Или уходят из дома на поиски счастья в другом месте. Вы – мудрая женщина. Верно выбрали.

– Ага, – пробормотала я, – мудрая.

Скупой рассказ Руны сложился в неприглядную картину. Алианна в шестнадцать лет прибыла в крепость рода Арвид, чтобы сочетаться браком со средним сыном Гунхильды. Скорее всего, брак был договорным, но какие-то чувства между нареченными возникли. Иначе, с какой стати Алианне вплетать в волосы Торвальда свою ленту, а ему потом носить ее столько лет? Нет, определенно чувства были. Причем взаим-

ные.

Но на Алианну положил глаз Вилфред. На тот момент уже тойон крепости. В результате она расторгла помолвку с Торвальдом и вышла замуж за его старшего брата. Удар? Предательство? Еще какое!

Хотелось бы списать поступок «прежней меня» на давление сверху. Мол, отец заставил или обстоятельства сложились не в ее пользу. Но Руна уже тогда прислуживала Алианне и что-то она не упомянула горячих слез, пролитых по первому жениху. Нет, она сказала: вы приняли мудрое решение, посчитав, что тойон лучшая партия. Попросту говоря, повелась на статус и побрякушки.

Похоже, «прежняя я» та еще стерва. Это открытие неприятно меня задело. Понятно, почему Торвальд так ко мне относится. В его глазах я неверная невеста – порочная и продажная. Он и женился-то ради крепости, а меня до сих пор ненавидит. Как после этого налаживать с ним отношения?

Полдня я отсиживалась в комнате, а затем не выдержала. Да, вчера вся крепость наблюдала за моей близостью с мужчиной, но что мне теперь руки на себя наложить? Умирать я не планировала, а потому решила жить. Полной жизнью.

Зайдя по дороге за Иваром, отправилась с ним на улицу. Для начала во двор. Холодный морской воздух пощипывал кожу, ноги вязли в земляной жиже, но прогулку это не испортило. Ивар, изображая ржание, нарезал круги на деревянной палке с головой лошади, а я просто брела без цели.

Со мной все также вежливо здоровались. Для людей мой статус не изменился: была женой одного тойона, стала женой другого. Прямо какой-то переходящий приз. Надеюсь, Торвальд проживет долго. Стать еще чьей-то женой я не горела желанием.

В целом прогулка удалась, несмотря на серость окружающей обстановки и холод – местная погода напоминала Англию. Те же туманы, накрапывающий дождь, облака, которыми она славится. Но я засиделась в четырех стенах, и свежий воздух меня взбодрил. Надо ввести прогулки в распорядок дня. Хоть какое-то занятие.

Кое-что все же испортило настроение: встреча со свекровью. Один ее вид мог омрачить даже самый солнечный день, а погода и без того не баловала.

Лицо у Гунхильды было такое, словно она только что съела луковицу.

– Алианна, – она поравнялась со мной. – Вижу, ты довольна. Вернула себе место жены тойона. Даже на обряд публичности ради этого пошла. Смелый поступок.

– Об обряде я не просила. Торвальд не спрашивал моего согласия.

– Тор всегда идет напролом, – осудила она сына. – Но пока он не получил желаемого.

– Чего же он хочет? – поинтересовалась я, не ожидая подвоха.

– Упрочить свое положение, разумеется. Сейчас он – той-

он, но закон один для всех. От отца к сыну, – повторила свекровь то, что я слышала на военном совете.

Что-то темное шевельнулось в душе. Страх. Теперь я ловила каждое слово Гунхильды.

– Ивар – наследник Вилфреда, – говорила она. – Когда он достигнет совершеннолетия, Тор будет обязан передать управление крепостью ему. Ведь он всего лишь регент. Неужели не понимаешь, что Ивар – помеха?

Мой трехлетний сын в очередной раз пронесся мимо, задорно хохоча. Невинный ребенок, пешка в чужой игре.

Поравнявшись с бабушкой, Ивар притормозил, и Гунхильда потрепала его по голове. Жест получился нежным, глаза свекрови на миг потеплели, но, обратившись ко мне, снова превратились в льдинки.

– Тор не посмеет тронуть Ивара, – произнесла я, не особо веря в свои слова. – Он поклялся.

– О да, поклялся. Как часто мы нарушаем наши клятвы? Тебе ли не знать этого, Алианна. Помнится, ты тоже однажды клялась любить моего среднего сына до тех пор, пока Владыка мертвой воды не заберет вас к себе, а потом отдала себя моему старшему сыну. Куда подевалась в тот миг твоя хваленая верность клятве?

Я сглотнула. «Нынешняя я» никогда бы так не поступила, но мне неизвестно на что была способна «прежняя». Вдруг она влюбилась в Вилфреда? Мне хотелось верить, что это был порыв охваченного страстью сердца, а не голый расчет.

Одно я знала точно об Алианне: может, женщиной она была дурной, но матерью – отличной. Ивара она обожала и была готова умереть за него. Доставшееся мне тело бережно хранило ее любовь к мальчику.

– Никогда не понимала, что мои сыновья нашли в тебе, – размышляла Гунхильда вслух. – Худая, плоская. Ничего в тебе нет. Разве что волосы цвета пламя, так это не диво. У многих такие же. Чем ты их взяла?

Я не знала, что ответить, а потому молчала. Наверное, что-то такое было в Алианне особенное, но не факт, что это есть во мне.

Я невольно присмотрелась к другим женщинам. Мы действительно отличались. Они были высокие, дородные, но при этом не полные: пышные груди, объемные бедра и все это при узкой талии. Ярко выраженная фигура песочные часы. Алианна, конечно, хороша собой, но до таких форм ей далеко.

– Я поступила дурно, – признала правоту свекрови. – Но Тор не обязан повторять моих ошибок.

– Ты заблуждаешься, если думаешь, что он все забыл, – заявила Гунхильда. – Я знаю своих сыновей. Их сердца не склонны к прощению. Тор ненавидит тебя, Алианна, и сделает все, чтобы уколоть побольнее. Если ты родишь ему сына, он захочет оставить ему наследство, а не отдать сыну старшего брата. Он убьет Ивара в тот же час, когда на свет появится его плоть и кровь. Я говорю это тебе не со зла, а потому что

Ивар мой внук. Мне небезразлична его судьба. Признайся в убийстве Вилфреда и получи заслуженное наказание. В обмен я обещаю защитить Ивара от Тора.

– Почему я должна довериться вам? Не вы ли только что сказали, что обещания ничего не стоят?

– Для Тора Ивар – соперник, а для меня – единственный внук. Разница очевидна. Подумай над моим предложением, прежде чем отвечать.

Сказав это, свекровь развернулась и зашагала прочь, а я еще долго смотрела ей вслед. Нет, ее предложение я не приму. Пусть и не надеется. Не для того я отправилась в чужой мир, чтобы так легко сдаться. Но информация важная. За нее спасибо.

Глава 7. Мародеры

Остаток дня я коротала за вышиванием. Пальцы Алианны делали аккуратные, ровные стежки, хотя я сама даже пуговицу толком не могла пришить. «Прежняя я» была искусной вышивальщицей. Любопытно: что еще я умею?

Пока руки занимались делом, голова тоже работала. Страх, что у меня отнимут сына, сдавливал грудь обручем, мешая полноценно дышать. Если с Иваром что-то случится, я умру. Чтобы его обезопасить, необходимо разобраться в местных интригах и обзавестись союзниками. Гунхильда намекнула, что с моим обвинением в смерти Вилфреда еще не покончено. Нельзя сидеть, сложа руки. Придется спуститься в общий зал.

Кто бы знал, чего мне стоило войти в зал после всего, что там пережила. Я долго стояла на пороге, успокаивая дыхание. Первый шаг как вхождение в ледяную воду, второй – еще хуже, и так до полного погружения. Только после этого стало чуть легче. С водой тоже всегда так – пока не нырнешь с головой, будешь дрожать, ежиться и мечтать повернуть назад.

Наконец, я в зале. Здесь яблоку негде упасть, время ужина. Лавки заняты, столы заставлены снедью. Этакая средневековая столовая. Совместный прием пищи в крепости норма и возможность пообщаться. В остальное время люди ра-

ботають, как правило, тяжело. Лишь я да несколько знатных дам живут в праздности. Прочие, включая знатных мужчин, работают на износ. Дел хватает: конюшня, дрова, скот, охрана крепости, забота об оружии, обучение мальчиков военно-искусству. Всего не перечислить.

Я двинулась вдоль столов. Готова поспорить здесь есть иерархия. Нельзя просто взять и сесть, где вздумается. Так где же место хозяйки крепости? Рядом с хозяином крепости – рассудила я.

Мне потребовалось время, чтобы сообразить – лучшие места у огня. Чем дальше от камина, тем холоднее и темнее. Там сидит челядь.

Я не ошиблась: Тор расположился в центре ближайшего к камину стола в окружении верных наемников. Муж делал вид, что не замечает меня, я тоже не горела желанием общаться с ним. К тому же ни одного свободного места, где я могу присесть, за столом не было, как, впрочем, и других женщин. Зато они полностью занимали второй в ряду стол. Туда я и направилась.

Едва приблизилась, дамы подвинулись. Выходит, я не ошиблась с выбором. Это маленькая победа вселила в меня уверенность.

Я села, и служанка поставила передо мной тарелку с похлебкой – в каше плавали куски мяса. Я осторожно попробовала варево и чуть не подавилась – заиграла музыка. Услышав лютню, покраснела до корней волос. Словно вернулась

к моменту, когда меня практически на этом самом месте заставили прилюдно заниматься сексом.

Но никто в зале не повернулся в мою сторону, люди вели себя так, словно ничего особенного с моим участием здесь не происходило. Неужели для них публичный секс в порядке вещей?

Выедавая из каши мясо, я поглядывала по сторонам и отметила закономерность: девочки носили две косы; незамужние девушки – простую косу, некоторые позволяли себе выпустить пряди у лица. Замужние, как я уже знала, заплетали «рыбий хвост», а вдовы – своеобразный веночек из косы. Очень удобно. Сразу видно, кто есть кто.

– Поздравляю, Алианна, ты как всегда выбрала лучшего, – рядом присела моя ровесница с такой же косой, как у меня. Замужняя. Она обращалась ко мне по имени без приставки «миледи», вероятно, мы на одной ступени социальной лестницы.

У нее были выющиеся волосы с рыжиной, как у большинства местных, а еще грудь пятого размера. Последнюю как свое главное достоинство она выставляла на всеобщее обозрение в глубоком вырезе декольте. Рядом с ней я почувствовала себя плоской доской.

– Моего мнения никто не спрашивал, – парировала я.

– Но как удачно совпало! Ты умудрилась сохранить положение тойоны крепости. Правда, говорят, что суда тебе не избежать. Может, еще посмотрю, как тебя столкнут с мыса в

море. Торвальд отлично все рассчитал. Если тебя осудят, он останется единственным опекуном Ивара.

– Меня оправдают, – произнесла без особой уверенности.

– Поживем, увидим, – улыбнулась собеседница. – Как, кстати, отношения с Тором? Насколько помню, вы расстались врагами. Из-за тебя он покинул крепость.

– Прошло столько времени, – я беспечно махнула рукой. Ни к чему демонстрировать страх. – Старые обиды забылись.

– Тор не из тех, кто прощает обиды. Не обольщайся.

Я все приглядывалась к девушке. Черты ее лица казались смутно знакомыми, как и ее слова. Где-то я это уже слышала. Наконец, меня осенило – она же похожа на Гунхильду! Глаза – северное море. Такое же синее и холодное как то, что за окном. Прямой нос, тонкие, поджатые губы и фамильные скулы клана Арвид. Я буду не я, если передо мной не родственница моих мужей. Какая-нибудь двоюродная сестра. Еще бы узнать, как ее зовут... Но спрашивать об этом напрямую нельзя. Ни у нее, ни у других.

Разговор прервал звон колокола. От неожиданности я чуть не опрокинула на себя похлебку.

– Корабль! – глаза собеседницы зажглись азартом.

Я едва не поинтересовалась: «что это значит?», но вовремя прикусила язык. До чего сложно делать вид, что происходящее для меня норма, когда все в диковинку.

Люди в зале пришли в движение. Вскоре они потянулись к выходу, я в том числе. Пока мужчины накидывали легкие

кожаные куртки и вооружались, женщины поднялись на стену. Мне повезло занять место в первом ряду, но я не знала, на что смотреть, пока кто-то не крикнул:

– Вон он! Смотрите!

Десятки рук указывали на открытое море. Уже стемнело, завывал ветер, и волны бились о скалистый берег особенно ожесточенно. В преддверие шторма угодил корабль. Он был обречен разбиться о скалы без путеводной звезды, которой мог стать огонь маяка на одинокой скале, выдающейся в море.

Мужчины покидали крепость через открытые ворота. Но вместе того, чтобы пойти к маяку и зажечь его, они свернули к берегу и принялись спускаться к воде.

– Что они делают? – спросила я у близстоящей женщины. Было темно, на мне капюшон, да и женщина смотрела в сторону моря, а не на меня – подходящее сочетание для расспроса. Она не вспомнит, с кем говорила.

– Ждут, когда корабль напорется на рифы, – ответила она. В ее голосе сквозило предвкушение. Женщины на стене походили на спортивных фанатов, болеющих за любимую команду.

Мне стало не по себе. Вплоть до мурашек.

– Корабль разобьется! Погибнут люди! – ужаснулась я.

– Разумеется, – кивнула собеседница. – И Владыке будет чем поживиться.

Мужчины, между тем, снаряжали лодки, складывая в них

сети. Они собирались выйти в открытое море, но не для того, чтобы спасти людей. Их интересовал исключительно груз.

Гибель корабля произвела на меня гнетущее впечатление. Деревянный исполин то поднимался до самых облаков на волне, то ухал в пучину вод. В одно из таких падений он напоролся на выступающую из воды скалу. До крепости донесся скрежет, словно огромный кит застонал.

С такого расстояния не были видны детали, но я живо вообразила пробоины в днище и прибывающую воду. Корабль тонул. Команда металась по палубе, но все происходило слишком быстро. Им не спастись. А еще мне почудилось, будто из воды вылезли гигантские щупальца, утягивая корабль на дно. Но я списала это на шторм и темноту. Померещится же такое.

Пошел дождь. Холодные капли коснулись моих разгоряченных щек, смешиваясь со слезами. Я впервые наблюдала массовую гибель людей и уже жалела, что вышла вместе со всеми на стену. Но уйти сейчас означало привлечь к себе ненужное внимание.

Впрочем, женщины тоже притихли. Ажиотаж сменился настороженностью. Чувствовалось, что, несмотря на грядущую добычу, происходящее им нравится не больше, чем мне.

Мужчины на лодках добрались до места крушения – оно было не так уж далеко от берега. Они забрасывали сети и что-то вытаскивали из воды. Порой доставали людей, но я

знала их судьбу из слов Руны – рабство. Это не спасение из человеколюбия. Голый расчет.

– Им не страшно выходить в море на лодках? – поразились я вслух. – В непогоду это большой риск.

– Владыка мертвой воды оберегает род Арвид, – ответила все та же женщина, сочтя меня любопытной гостьей крепости. Я все лучше понимала местный диалект. Подозреваю, не последнюю роль в этом играла память нового тела. – Мы регулярно приносим ему жертвы. Взамен он не забирает наши жизни.

Мужчины действительно ничего не боялись. Как если бы договорились с морем, и то обещало их не трогать. Владыка мертвой воды? Речь о морской воде? Ее нельзя пить, так что в каком-то смысле она мертвая.

Магия? Тут без нее явно не обошлось. Только магия способна удержать на воде лодки в шторм. Это открытие меня потрясло. Неужели в этом мире настолько иные законы? Я ощутила себя принцессой, угодившей в заколдованный замок.

Дождь все усиливался, и женщины решили вернуться к огню. Я охотно последовала за ними. Хватит на сегодня зрелищ.

Я сидела, склонив голову над тарелкой, пытаюсь прийти в себя. Меня занесло к мародерам. Крепость и ее обитатели живут за счет грабежа разбившихся у берега кораблей. Не передать какая неприязнь к местным на меня накатила. Мой

сын вырастет таким же?

Вот уж чего-чего, а подобного будущего я ему не желала. Именно в тот вечер во мне зародилось желание сбежать из крепости Арвид, захватив Ивара. Хотя проросло оно чуть позже.

Я пропустила момент, когда вернулись мужчины. Огонь вдруг затрещал, словно в него плеснули воду. Пахнуло морской свежестью, и зал наполнился гвалтом голосов. Смеясь и перекрикивая друг друга, мужчины рассказывали об улове. Женщины, дети и старики слушали, открыв рты. Нервное веселье с горьким привкусом чужой смерти. И чем веселее им было, тем сильнее я ощущала, что не принадлежу этому миру. Дошло до того, что начала ненавидеть людей вокруг.

– Эй, жена! – я не сразу сообразила, что зовут меня. Лишь услышав: «Алианна!», вздрогнула и подняла голову.

Торвальд сидел на соседней лавке – спиной к столу, лицом к залу – и смотрел на меня. С мокрых волос стекала вода. Кожаную куртку (эта деталь одежды походила на нее, а правильного названия я не знала) он скинул и остался в одной рубашке, ткань которой намокла и облепила тело. До чего же развитая у него мускулатура. Тяжелый физический труд не прошел для мужчины даром.

Глаза Тора горели как у зверя только что разорвавшего добычу. Мне вдруг почудился запах крови. Воображение порой шутит слишком зло.

– Подойди, – кивнул мне Тор.

Я повиновалась словно под гипнозом. Приблизилась и встала рядом. Мужчина запрокинул голову, глядя на меня снизу вверх.

– Мои сапоги полны воды, – сказал он. – Сними их.

Сейчас бы вылить на него тарелку похлебки. Чего он добивается? Хочет указать на мое место? Чтобы снять сапоги, придется встать перед ним на колени. Или, по его мнению, это самая подходящая поза для жены?

Во мне встрепенулась свободолюбивая русская женщина. Вспомнилось правило – один раз уступишь, будешь всю жизнь уступать. А я не хотела уступать. Уж точно не человеку, который только что отправил на тот свет команду целого корабля ради того, чтобы забрать их нехитрые пожитки. Но я осознавала, что здесь другие порядки, и за свободолюбие можно схлопотать по шее. Правильнее будет засунуть его куда подальше. Здесь у женщин нет права голоса.

Поэтому я, изображая послушание, нашла компромисс:

– Я позову рабыню. Она поможет тебе.

– Я хочу, чтобы сапоги сняла ты. Делай, что велят, или пожалеешь, – глаза мужчины недобро сверкнули.

Угроза подействовала на меня как удар хлыста. Стало горько и обидно.

– Утопишь меня так же, как тех несчастных? – спросила срывающимся голосом.

– Если еще раз откроешь рот, так и будет, – предупредил мужчина.

Люди, до этого пропускавшие нашу перебранку мимо ушей, начали прислушиваться. Вокруг нас образовался кружок тишины.

Торвальд поднялся на ноги. Он был головы на полторы выше меня и раза в два шире в плечах. Схватив за предплечье, мужчина потащил меня прочь из зала. Вопреки ожиданиям нам не оборачивались вслед. Наказание нерадивой жены здесь в порядке вещей – это рутина и скука, смотреть не на что.

Едва мы вышли из зала, Тор, стиснув мои запястья одной рукой, прижал меня к стене, полностью обездвигив. Я не сопротивлялась. Какой смысл? Он в разы сильнее. Захочет, пришибет одним ударом.

Тор наклонился. Его злое лицо оказалось напротив моего. Свободная рука легла на мою шею, чуть сдавив. Он мог придушить меня, и никто бы его за это не осудил, но мужчина держал так, что мне не было даже больно. Разве что дышать стало чуть сложнее.

– Я – тойон этой крепости, и все, включая тебя, обязаны выказывать мне уважение, – прорычал он. – Если собственная жена не слушает меня, то с какой стати будут слушать воины?

– Прости, – прошептала я.

– Прощу, – кивнул он. – Но прежде накажу, чтобы ты лучше запомнила науку.

Я облизнула пересохшие губы. Надеюсь, меня не выпорют

на площади.

Движение моего языка не укрылось от внимания Тора. Он перевел взгляд на мои губы, на миг выражение его лица изменилось. Сквозь гнев проступила похоть, но он тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

– Как же мне тебя наказать, Алианна? – спросил мужчина, снова глядя мне в глаза. – Заставить тебя отмыть от копоти камин в общем зале? Но что станет с твоей нежной кожей? Она не вынесет грязи, – он отпустил мою шею и провел рукой вплоть до впадины между грудей, запустив пальцы в вырез платья. Ласка получилась неожиданно приятной, и я с трудом сдержала стон. – А, может, отдать тебя воинам, как рабыню? Они быстро научат тебя уму разуму, не таких строптивых лошадок объезжали. Что скажешь?

Тор угрожал, а я думала – какие у него синие глаза. Глубокие, затягивающие. Усилием воли отбросив эту мысль, я покачала головой. Только не воинам.

– Нет, – протянул он. – Ты – моя. А я своим не делюсь, – он сжал мою грудь. – Я знаю, что заставит тебя подчиниться и быть покладистой, – выдохнул он мне в губы. Мужчина пах морем и стихией. Его губы едва коснулись моих, и я ощутила знакомый привкус соли. К этому моменту я уже окончательно растаяла в его руках. И когда это произошло, он нанес удар: – Я запрещаю тебе видеться с сыном.

Сказав это, он отпустил меня и отошел. Я бы упала, не будь за спиной стены. Тор меня ошеломил и раздавил.

Ему мое смятение доставило удовольствие. Мужчине нравилось наносить удары в моменты наибольшей уязвимости. Торвальд Арвид – жестокий тиран, прозрела я.

– Умоляю, только не сын, – я шагнула к нему. – Забирай, что хочешь, но не его. Лучше до конца дней чистить камин, чем разлучиться с ним.

В моем голосе звучало неподдельное отчаяние. Я была готова всю оставшуюся жизнь ползать за Торвальдом на коленях и снимать с него сапоги, лишь бы разрешил видеться с Иваром.

– Нельзя шантажировать мать ребенком!

Что-то дрогнуло в лице мужчины. Он способен на сочувствие? Или нашел новую возможность поиздеваться надо мной?

– Что поделать, если другое на тебя не влияет, – притворно вздохнул мужчина. – Вымолишь у меня прощение, увидишь Ивара, – Тор провел большим пальцем по моим губам. Намек более чем очевидный, и я прозрела: это была игра, призванная напугать, а на самом деле он вел к этому. Прямою Тор сказать не мог. Тогда бы пришлось признать, что он хочет меня.

– Жду тебя ночью в своих покоях, – произнес муж напоследок.

Глава 8. Покорная

Я тщательно готовилась к ночи. В первую очередь морально. Убеждала себя, что ничего непоправимого не случится. В конце концов, это всего лишь секс. Я совершеннолетняя, не ханжа. Чего мне опасаться? Что мне не понравится? Так не в первый раз. Насилием это тоже назвать нельзя. Я приду сама и к мужу. В общем, надо расслабиться и постараться получить удовольствие, а еще притвориться послушной. Похоже, у местных мужей на этот счет пунктик.

После ванной Руна хотела заплести мне как обычно косу, но я попросила ее расчесать волосы и оставить их распущенными. У Алианны шикарные волосы, прежде я могла только мечтать о таких. Грех не покрасоваться, пока есть возможность. Молодость нового тела тоже не вечна.

Накинув на сорочку халат, я вышла в коридор. Мою спальню от спальни Тора отделяло с десятков шагов и поворот. Едва свернула, как тут же захотела обратно, но я помнила уговор – если не приду, не увижу сына.

У дверей спальни Тора стояли двое воинов. Опыт старшего брата научил его осмотрительности. К нему ночной убийца так просто не войдет и не прикончит во сне.

Я плотнее запахнула полы халата на груди и, придерживая их рукой, подошла к двери. Чтобы взглянуть воинам в лицо, пришлось запрокинуть голову. Прямо букашка перед

исполинами.

– Миледи Алианна, – мужчины чуть склонились, приветствуя меня, – тойон вас ждет.

Передо мной открыли дверь, и я мышкой шмыгнула через порог, поскорее в тепло спальни из промозглого коридора.

Тор сидел в кресле у камина: голова откинута на спинку, в руке кружка эля, колени расставлены – типичная мужская посадка. Но главное – на ногах сапоги. И это притом, что он успел переодеться. Об этом свидетельствовала сухая рубаха. Сапоги для меня – сделала неутешительный вывод. Муж учит меня повиновению. Что ж, прикинусь покорной.

Я молча приблизилась к креслу и опустилась на колени. Снять с мужчины обувь не такое великое унижение. Прилюдный секс куда хуже, но я прошла через него и ничего, выжила.

Тор выставил ногу вперед, я взялась за пятку сапога и потянула. Понадобился весь мой вес, чтобы дело сдвинулось. Когда сапог все-таки соскользнул, от неожиданности я повалилась на пятую точку.

Отставив один, принялась за другой. Во второй раз получилось лучше. Если так пойдет дальше, стану заправским снимателем обуви.

Покончив с сапогами, я так и сидела между ног мужчины. Тор первым нарушил молчание. Наклонившись, взял меня за подбородок и произнес:

– Ты доказала свою покорность. Теперь докажи свою лю-

бовь.

– Как именно?

– Выполни долг жены в спальни мужа, – потребовал он. – Возбуди меня. Для начала.

Я растерялась. Прежде все происходило как-то само собой, по обоюдному согласию. Более того, мужчина, как правило, вел. Роль куртизанки, обхаживающей клиента, для меня нова.

Отчего-то я робела перед Торвальдом, часть меня отчаянно боялась его разочаровать. Краснея, словно девственница в первую брачную ночь – откуда только взялся этот стыд, можно подумать, никогда не стояла голой перед мужчиной – я пыталась обуздать свои страхи. Я уже давно не девочка, пора воспользоваться нажитым опытом.

Я поднялась и отступила на шаг, встав спиной к камину. Пальцы путались в поясе халата, но с третьей попытки я все-таки его развязала. После томно повела плечами, позволив халату соскользнуть и упасть на пол. Надеюсь, двигалась не очень скованно. Будет обидно, если соблазнение провалится из-за моей неловкости.

Развязав ворот сорочки, отправила ее вслед за халатом. И вот я абсолютно нагая стою перед мужчиной, с которым меня связывает всё и ничего. Огонь в камине, что прямо за мной, нещадно печет. По спине стекают капли пота, а от холода комнаты по животу бегут мурашки и набухают горошины сосков. Неловкость постепенно уходит, уступая место со-

блазну.

Я снова опускаюсь на колени и точно кошка крадусь к мужчине в кресле. Движения плавные, тягучие. Я не тороплюсь, пусть полюбуется моим телом, насладится каждым изгибом, восхитится отблесками света на коже. Пусть он захочет коснуться меня, да так нестерпимо, что пальцы сведет судорогой.

Подобравшись к Тору, кладу руки ему на колени. Медленно веду ладонями вверх, а сама смотрю мужу в глаза. Слежу за тем, как расширяются его зрачки, как перехватывает дыхание. Тору без сомнений нравится и то, что он видит, и то, что чувствует, но он слишком напряжен.

В итоге мужчина хватает меня за запястья и отталкивает руки.

– Встань, – командует он.

Я – послушная жена, исполняю приказ. Тор тоже поднимается с кресла. Делает ленивый, вальяжный шаг ко мне. Все его движения говорят, что ему вроде и не очень хочется, и не особо надо, но он так и быть принимает мое предложение. Это часть игры. Способ показать мне, что не я здесь главная.

– Распустила волосы для меня? – он касается волнистых прядей, ведет по ним рукой, как бы невзначай задевая плечо, грудь, живот.

– Хотела тебе понравиться, – говорю и тут же понимаю: это правда. Еще минуту назад мне было страшно. Я думала о Торе, как о мародере и тиране. Но то мысли, у тела иное мне-

ние. Оно помнит этого мужчину и хочет его. Сейчас «прежняя я» берет верх, я не могу сопротивляться обоим – ему и ей.

– Нравишься, – кивает Тор одобрительно.

Его пальцы уже на моих бедрах. Я закрываю глаза и кусаю губы. Кто кого должен был возбуждать? Тор нарушает свои же правила.

Подаюсь вперед, тянусь к губам мужчины. Я знаю: у них солоноватый привкус, как у морской воды. Но я не достигаю цели, мужчина резко убирает руку с моего бедра – я едва сдерживаю стон разочарования – и отступает от меня. Он ведет себя так, словно мой порыв напугал его. Избегает поцелуя, как если бы мои губы покрывал яд – коснись их и погибнешь.

– Повернись спиной, – приказывает он.

Я хочу видеть его лицо, читать эмоции в глазах, но я делаю, как он велит. Спорить в моем положении неразумно.

Мужчина сразу становится смелее: обхватывает меня рукой за талию, привлекает к себе. Я чувствую его желание, упирающееся вниз моей спины. Когда его губы касаются шеи, у меня подкашиваются колени. Свободной рукой он накрывает мою грудь, чуть сжимая. Я плавлюсь от его ласк и все еще стою на ногах только потому, что он меня держит.

А потом я совершаю ошибку: завожу руки назад в попытке дотянуться до мужчины хотя бы так. Он вздрагивает, как будто мое прикосновение причиняет ему боль, и отпускает

меня. Что происходит? С кем он борется – со мной или с собой?

Я резко оборачиваюсь вокруг оси, чтобы взглянуть на него. Что не так? И вижу – всё не так. Мужчина без сомнений хочет меня, но ненависть Торвальда к Алианне сильнее похоти.

– Теперь я знаю, на что ты готова ради сына, – усмехается он.

– На всё, – я устала это повторять.

Он наклоняется, подбирает мой халат и сорочку с пола, кидает их мне. Я ловлю на лету, прижимаю к груди. Тор передумал. Понял, что не справляется с эмоциями. Ненавидеть тяжело, особенно если хочется любить.

– Завтра за обедом будешь прислуживать мне и моим воинам, – меняет он наказание. – После этого сможешь видеться с сыном, когда пожелаешь.

– Ты все еще носишь мою ленту в волосах, – говорю я в попытке достучаться до него.

– Это напоминание.

– Обо мне?

Надежда вспыхивает и угасает.

– О вероломстве женщин. Эта лента не дает мне забыть, что вам нельзя верить. Все ваши слова – тлен, а обещания – ложь.

Сказав это, Тор ушел, хотя это его спальня и уйти должна была я.

Не помню, как оделась и выскочила из комнаты. Пришла в себя лишь за углом коридора, где прислонилась к стене, восстановить дыхание. По коридору пронесся девичий смех и голоса. Я выглянула из-за угла: две девицы прошли мимо. Но что помешает Тору привести других? Как-то же ему нужно снять напряжение. Что если этой ночью муж изменит мне? Даже странно до чего сильно это меня задевает.

Я видела глаза Торвальда, когда он отказался от меня, прочла в них правду – он не выносит Алианну, а еще как будто боится. Словно я имею над ним власть, и он всеми силами пытается освободиться. Там в спальне он поймал себя на слабости передо мной, поэтому оттолкнул. Ему легче без меня, чем со мной. И, боюсь, «прежняя я» заслужила подобное отношение.

Я вернулась к себе расстроенной. Хотя, казалось бы, с чего переживать? То, что Тор, возможно, будет развлекаться с другой, даже лучше. Отстанет от меня. Ведь я именно этого хочу. Не так ли? Я всерьез подумываю сбежать из крепости полной убийц. Так какое мне дело, с кем спит мужчина, которого я, вероятно, в скором времени покину навсегда? Это во мне говорит «прежняя я», надо учиться различать эмоции Алианны Арвид и Анны Беляевой.

Скинув халат, я заметила, что надела сорочку наизнанку. Ничего удивительного, учитывая, в каком состоянии одевалась. Хорошо бы мои испытания на этом закончились, но завтра ждет обед, на котором я должна прислуживать, а я

имею смутное представление о местном этикете. Вдруг выдам себя?

От страха я полночи крутилась без сна, а утром накинулась на Руну с расспросами. Оправдать свое любопытство было несложно: я все-таки благородная дама, откуда мне знать, как прислуживать другим.

– Все просто, миледи Анна, – наставляла Руна. – Вы главное помните: не поднимайте глаз на мужчин, смотрите в пол, и делайте, что велят.

– А если кто-то попросит сесть к нему на колени? – студенткой я подрабатывала в кафе дальнобойщиков. Там подобные просьбы были не редкость, но если в своем мире я могла послать наглеца куда подальше, то здесь этот номер вряд ли пройдет. Еще вырежут язык за сквернословие.

– Что вы, миледи, вы женщина тойона крепости, вас и пальцем никто не тронет. А если тронет, то этот палец ему тут же отрубят. Для воинов честь принимать пищу из ваших рук.

– Спасибо, успокоила, – вздохнула я. Судя по тому, как легко Руна реагировала на мое наказание, оно было в порядке вещей.

До обеда я сидела в комнате, не желая никого видеть. Часы тратила с умом, на изучение письменности. Вооружившись книгой, которую по моей просьбе принесла Руна, я разбирала текст. Здесь мне пригодилось устное знание языка и память прежней хозяйки тела. Она, судя по всему, знала гра-

моту. Дело продвигалось быстро, если продолжу заниматься, скоро буду бегло читать на языке Ибрии.

Но нервозность брала свое. Близилось время наказания, и все сложнее было сосредоточиться. В итоге я отложила книгу и, устроившись на подоконнике, наблюдала за жизнью крепости. Окна выходили на задний двор, зато маяк был как на ладони.

Руна, заметив мой интерес, заговорила первой – она все больше раскрепощалась в моем присутствии.

– Ах, какая романтическая легенда у этого маяка, миледи. Я плачу каждый раз, когда ее слышу.

– Расскажи, – попросила я.

– Разве вы ее не знаете? – удивилась рабыня.

– Знаю, – кивнула, – но хочу послушать еще раз.

Естественно, легенду я не слышала, но рабыня приняла мои слова за чистую монету. Сев у меня в ногах, она начала рассказ:

– Давным-давно после того, как подлинный король погиб, а его наследник пропал, и из земель Ибрии ушла благодать, девица из рода Арвид полюбила моряка из Ригии. В ту пору через Ибрию проходил великий торговый путь. Корабли со всего света проплывали мимо здешних берегов, а маяк на одинокой скале указывал судам безопасный путь.

Голос Руны звучал напевно, даже речевые обороты изменились. Наверное, пересказывала историю по памяти. Не хватало лишь аккомпанемента лютни.

– Любовь девушки была взаимной. Тайком она и юноша из Ригии встречались у подножия скалы, на которой стоит маяк. Там они обменялись клятвами в вечной любви. Но настал день разлуки. Юноше пора было уплывать на родину, но он обещал вернуться за возлюбленной, выпросив у своего отца дозволения жениться на чужестранке. Много слез пролила девушка по любимому. Ожидая его возвращения, она каждый день выходила на крепостную стену. И однажды увидела знакомые паруса ригийского корабля – любимый сдержал слово, он вернулся за ней.

– Но отец девушки – тойон крепости Арвид – был против ее брака с ригийским торговцем. Он мечтал о другом будущем для дочери. Хотел выдать ее за тойона соседней крепости, чтобы скрепить брачными узами союз с ним. Пусть жених был стар, зато могущественен. Узнав, что возлюбленный непослушной дочери возвращается, он приказал погасить маяк, чтобы корабль разбился о скалы. Тойон забыл, что маяк построен королем не просто так, и его свет хранит земли Ибрии от древнего чудовища, что повелевает морскими водами.

Желая спасти любимого, девушка бросилась к скале. Если она успеет зажечь маяк, корабль минует угрозу. Как назло на море разыгрался шторм, облака заволокли небо, и стало темно как ночью. Уступы одинокой скалы слишком отвесные и скользкие. Девушка поднималась по ним со стороны крепости. В этом была ее ошибка. Прежде она никогда не караб-

калась на одинокую скалу, поэтому не знала, что тот склон лишь с виду легко преодолеть, а на самом деле он круче и опаснее, чем склон с обратной стороны.

Дочь тойона не удержалась, упала и погибла. Когда она перестала дышать, корабль ее любимого напоролся на скалу и разбился. В тот день мужчины рода Арвид впервые вышли в море за уловом. Сетями они достали из моря не рыбу, а драгоценные камни, которые вез юноша из Ригии в дар отцу своей невесты. Среди них был уникальный розовый сапфир размером с детский кулак. Он положил начало казне рода Арвид. Говорят, сапфир до сих пор хранится там. Но я, конечно, не видела. Рабов не пускают в казну.

– Как интересно, – пробормотала я. Вот уж не думала, что сентиментальная история о несчастных влюбленных окажется настолько полезной. А я, между тем, узнала о казне. Если уж подумываю о побеге с сыном, то деньги будут не лишними. Без средств в любом мире делать нечего. Осталось как-то попасть в казну, желательно без свидетелей.

– С тех пор маяк не зажигают, – закончила Руна. – В память о дочери тойона, а еще из страха перед Владыкой мертвой воды. Погибшие ригийцы привлекли его к этим берегам, и он обосновался здесь, топя корабли.

Я все же ставила на желание поживиться, понравилось местным легкая добыча. Но не стала рушить флер романтики и портить любимую историю Руны своими замечаниями.

Любопытно: выдумка история или нет? Ведь когда-то и

как-то началось мародерство. Почему не так? Но вскоре мне уже было не до преданий старины. Пришло время спуститься в зал и выполнить отведенную мне Торвальдом роль прислужницы за столом.

Глава 9. Прислужница

Я вошла в общий зал с гордо поднятой головой. Пусть Тор не надеется, мой дух не сломлен. Я сильнее, чем он думает.

Вместо своего законного места, прошла к служанкам и встала рядом с ними, поймав на себе несколько любопытных взглядов. Но стоило взять первую тарелку с похлебкой и отправиться к столу, за которым сидел тойон с приближенными, как интрига сошла на нет.

Мужчины одобрительно кивали: мол, правильно, жена должна знать свое место. Женщины смотрели сочувственно. Но ничего из ряда вон выходящего не случилось, поняла я по общей реакции.

Двигаться приходилось проворно. Все-таки двадцать здоровых мужиков за столом, четыре перемены блюд, а у меня лишь две руки. Принеси, убери, поменяй, протри, собери крошки – стол всегда должен быть чистым. Я носилась по залу как угорелая и быстро устала, а ведь только началась вторая смена блюд. К тому же тарелки из кухни доставляли рабыни. Мне даже по лестнице бегать не пришлось.

Я сделала неутешительный вывод – новое тело физически слабее предыдущего. Ему не хватает выносливости. Алианна из тех, кого называют белоручками – труда тяжелее вышивки она не знала. Что неудивительно, местные знатные дамы ведут в основном праздный образ жизни.

Тор игнорировал меня. И, если сперва я опасалась к нему приближаться, то вскоре уже свободно проходила мимо. В один из таких разов я меняла мужу грязную тарелку на новое блюдо и почувствовала, как он схватил меня за голень. Позади была стена, а меня наполовину скрывал стол. Никто не заметил маневр мужчины.

От неожиданности я едва не лягнулась, как норовистая лошадь. В последнюю секунду сдержавшись, застыла, не зная, как реагировать. Тор держал крепко, заставляя стоять рядом. При этом он, не отдавая себе отчета, поглаживал меня в районе подколенной ямки.

Щеки залил предательский румянец, вызванный внезапным и острым возбуждением. То ли сказалась пикантность ситуации, то ли новое тело всегда так откликается на прикосновения этого мужчины, но результат был на лицо, а точнее у меня на лице.

Я покосилась на мужа. Чего он добивается? Но Тор на меня не смотрел, он изучал мужчин за столом. Те отводили от меня глаза, хотя наверняка заметили мою вздымающуюся от частого дыхания грудь.

Тут меня осенило: Тор проверяет, как на меня реагируют другие мужчины, а держит потому, что за неподвижным объектом следить удобнее. Осмелится кто-нибудь выказать мне знаки внимания или хотя бы взглянуть на меня с интересом? Таких смельчаков не нашлось. Я тоже упорно смотрела в стол. Не хватало еще, чтобы кому-то пришлось рас-

плачиваться за мою неосторожность. Похоже, мне в мужья достался Отелло или того хуже – «собака на сене».

Тор остался доволен. Никто в открытую не любовался его женой. Он убрал руку, и я, получив свободу, бросилась выполнять обязанности прислужницы. То и дело вытирая испарину со лба, меняла тарелки, когда один из воинов поднялся из-за стола. От неожиданности я застыла. Я сделала что-то не так? Меня снова накажут?

Он был не старше восемнадцати лет. Усы над губой только-только отрасли, забавно топорщась. Юноша выглядел скорее нелепо, чем грозно.

Он шагнул ко мне и забрал тарелки из рук, а потом поставил их на стол перед товарищами. Я беспомощно хлопала глазами, не веря, что кто-то захотел мне помочь. Он самоубийца? Или обладает неприкосновенностью? Не надо видеть мужа, чтобы понять – он в ярости. Я каждой клеткой тела ощущала направленные на меня волны негодования.

Юноша, как ни в чем не бывало, уже отправился за новыми порциями, и я поторопилась вслед за неожиданным помощником. Остаток вечера мы прислуживали вдвоем. Юноша не сел пить медовуху с товарищами, пока мы не убрали всю посуду. Более того, другие воины тоже проявили заботу. Нет, они не носили самостоятельно тарелки, но вставали мне навстречу, чтобы я не делала лишних шагов.

Тем самым наемники не только помогли мне, но и спасли своего товарища. Одного Тор еще бы наказал, но не может же

он казнить всех своих воинов. Так благодаря общим усилиям я справилась.

– Спасибо, – сказала своему спасителю, когда ужин закончился.

Мы с юношей стояли в дальнем конце зала. То есть это он стоял, а я едва держалась на ногах и привалилась к стене, чтобы не упасть. Это было покруче пробежки на велотренажере. Все-таки новое тело непозволительно изнеженно.

– Всегда рад помочь, миледи, – улыбнулся он и представился: – Мое имя Никлас.

Он был из тех, кто прибыл в крепость вместе с Тором. Молодой наемник.

– Приятно познакомиться, Никлас, – улыбнулась в ответ. А все-таки местные мужчины не так ужасны. Или причина в молодости моего помощника? Он еще не успел распробовать все прелести власти над женщинами.

Мы с юношей смотрели друг на друга и не заметили, как к нам подошел Торвальд. Я ощутила накрывшую меня тень и инстинктивно сжалась.

– Похоже, я рано назвал тебя воином, Никлас, – произнес Тор холодно. – Воины не прислуживают за столом, это женское дело. Ты – женщина, Никлас?

Мне хотелось возразить, что из всех сидящий за пресловутым столом Никлас как раз больше других мужчина, но я мысленно приказала себе заткнуться. Едва ли мое заступничество сыграет в пользу юноши.

– Моя борода еще не выросла, – Никлас провел рукой по своей щеке. – Ты сам знаешь, Торвальд, мужчина не мужчина, пока его щеки не покрыла щетина. А юношам позволено помогать женщинам с их работой.

Тор только зубами скрипнул в ответ. Возразить ему было нечего.

– Оставь парня, – к нам приблизился один из товарищей Торвальда и хлопнул его по плечу. – Он сделал то, что хотели сделать все мы. Но, как ты верно заметил, мужчине не пристало прислуживать за столом.

Тор дернул плечом, сбрасывая руку друга. Заступничество его же людей за меня злило мужчину. Эксперимент со мной вышел ему боком. Наемникам я явно приглянулась.

– Твоя жена достойно выдержала испытание, но она устала, – произнес наемник. – Посмотри на нее, она бледна как утопленница. Позаботься о ней, пока это не сделал кто-то другой.

Кивнув Никласу, чтобы следовал за ним, наемник ушел, и мы с Тором остались одни.

– Не смей заигрывать с моими воинами, женщина, – предупредил муж. – Не то обрежу косы.

Я не сильна в местных порядках, но обрезание кос наверняка очень унижительно. Так что я поспешно кивнула и завила мужчине:

– Чтобы не было между нами, я – верная жена и никогда не предаю мужа.

– Ну, ну, – усмехнулся Тор.

Прозвучало двусмысленно. В подробности он не вдавался, а я не рискнула выпрашивать, но муж явно сомневался в моей способности хранить верность. Тор уже упоминал, что мне знакомы его ласки, но я полагала речь идет о поцелуях в период нашей помолвки. Неужели «прежняя я» была, что называется, слаба на передок? Тогда странно, что косы до сих пор при мне. Вряд ли в сплоченном коллективе крепости подобное можно скрыть. Или «прежняя я» ко всему прочему была крайне хитрой и изворотливой особой.

Больше Тор со мной не заговаривал. Остаток вечера он упорно делал вид, что меня не существует. Я не навязывалась. Мне куда сильнее хотелось кушать, чем налаживать отношения с необщительным мужем.

Я устроилась за женским столом, хотя была не прочь забиться с тарелкой в дальний угол и отсидеться там. Но меня бы не поняли.

Не успела съесть пару ложек похлебки, как ко мне под села знакомая девушка. Накануне я поспрашивала о ней у Руны в своей ненавязчивой манере и выяснила, что это, в самом деле, двоюродная сестра сыновей Гунхильды и зовут ее Ингрид.

– Пусть Владыка мертвой воды будет к тебе благосклонен, – поприветствовала меня девушка. – Твой муж суров, сочувствую.

– Я не жалуясь, – говорить дурное о Торе неосмотритель-

но. Вдруг это он подослал Ингрид? Необходимость всегда быть начеку утомляла, но по-другому здесь нельзя.

– И правильно, – кивнула она. – Зато ты жена тойона, а за все надо платить. Какой подарок ты выбрала в честь свадьбы?

Я замерла, не донеся ложку до рта. Понятия не имею, что ответить. Тор ничего мне не дарил. И уж точно я ничего не выбирала.

– Пока никакой, – произнесла осторожно.

– Завидую тебе, – мечтательно вздохнула Ингрид. – Тебе предстоит прогулка в казну. Помню, Йон отвел меня туда на следующий день после свадьбы, – она кивнула на мужчину за соседним столом. – У меня глаза разбежались, я часа три там бродила, все никак не могла определиться. Жаль, взять можно лишь одну вещь. В итоге я выбрала браслет из заморских желтых камней.

Она продемонстрировала руку. Браслет из янтаря словно светился изнутри солнечным светом.

– Очень красиво, – искренне похвалила я. Янтарь был отборным, одного цвета и структуры. Стоящая вещь.

– Увы, Йон всего лишь дальняя родня и ему положен только третий круг казны. Но тебя-то пустят в пятый! Говорят, можно ослепнуть, если посмотреть на богатства пятого круга, – Ингрид закатила глаза, как будто всю жизнь мечтала лишиться зрения.

Она щебетала что-то еще о драгоценностях. Я слушала

молча и лишь изредка кивала. Благо большей реакции от меня не ждали. Да и повод для молчания у меня был – я ела.

Но, несмотря на то, что Ингрид быстро утомила меня дифирамбами местной казне, я была рада, что она подсела. Мне ее послал сам бог, не иначе. Я все гадала, где взять деньги. Если все-таки решусь бежать, нельзя уходить совсем без средств. Сама еще бы рискнула, но тащить ребенка в неизвестность не стану.

Этим утром я провела тщательный обыск в своей спальне и пришла к неутешительному выводу: особо поживиться там нечем. Пара колец да серег – вот и все, чем богата миледи Алианна. А, может, я просто не нашла ее тайник.

Я уже знала о казне, но не понимала, как туда попасть. И вдруг новость о том, что мне по закону положено там побывать. Я разве что стойку охотничьей собаки не приняла. Вот он мой шанс обзавестись деньгами. Если верить болтливой кузине, то муж задолжал мне подарок. Причем выбрать я могу все, что пожелаю, сколько бы это не стоило. Плохо, что всего одну вещь, но вдруг удастся вынести что-нибудь в карманах.

Закончив с похлебкой, я отправилась к Тору за тем, что мне причитается.

– Муж, доволен ли ты тем, как я прислуживала тебе и твоим воинам за столом? – спросила у Тора и, получив в ответ кивок, перешла к делу: – Уже несколько дней как я стала твоей, но ты до сих пор не отвел меня в казну. Ты отказыва-

ешь мне в законном праве на подарок в честь свадьбы?

Я нарочно говорила громко, официально и при всех. Тор не отвертится.

– Ничего не меняется, да? – он в отличие от меня понизил голос, чтобы слышала я одна. – Любовь к вещам в тебе все также сильнее любви к людям, – и добавил уже громче: – Завтра после рассвета я отведу тебя в казну, жена, и ты выберешь достойный подарок.

– Благодарю, – я кивнула и отошла.

Тор плохо обо мне думает, и я только что невольно подтвердила его правоту. Это неприятно. Но деньги нужнее хорошего мнения.

Глава 10. Казна

Завтракала я обычно в своей комнате, но в этот раз едва притронулась к еде, как в дверь постучали. Пришел Никлас. Признаюсь, видеть его было отраднo. Мало кто в крепости проявлял дружелюбие ко мне. Никлас – приятное исключение.

– Миледи Алианна, – склонил он голову, – пусть Владыка мертвой воды будет добр к вам.

– Прошу, зови меня Анна, – я все еще намеревалась приучить всех к своему имени.

– Как вам будет угодно, миледи Анна, – улыбка юноши наверняка свела с ума не одну девицу в крепости и за ее пределами. – Тойон Торвальд ждет вас в общем зале. Он велел привести вас.

Я насторожилась. Почему Тор прислал именно Никласа? Он искушает меня, или юноша сам вызвался, а я превращаюсь в параноика? Последнее, кстати, не удивительно, учитывая обстановку.

– Зачем? – поинтересовалась я.

– Он отведет вас в казну за свадебным подарком.

– Ах, вот оно что, – прямо гора с плеч. – Идем, негоже заставлял тойона ждать.

Юноша пропустил меня вперед, а сам пошел следом. Какой-никакой, а этикет здесь все же есть. Надеюсь, Тор менее

воспитан, и мне не придется самой указывать дорогу к казне. Я понятия не имею, где она.

Идти вот так, когда тебе дышат в спину, некомфортно. Я постоянно оглядывалась на Никласа. В один из таких разов он, поймав мою улыбку, сказал:

– Лучше б вы не улыбались мне, миледи. А то, боюсь, однажды утром меня найдут с кинжалом в сердце как вашего первого мужа.

Прозвучало как шутка – голос Никласа был полон озорства, но по спине пробежал мороз. Это намек на то, что Тор убил брата? Я отогнала непрошенную мысль, словно назойливую муху, но оборачиваться перестала.

Торвальд оправдал мои ожидания: сухо кивнув в знак приветствия, он повернулся ко мне спиной и пошел вперед, не проверяя, иду ли я следом. Приходилось чуть ли не бежать, чтобы поспеть за ним.

Мы держали путь в сердце крепости к винтовой лестнице, уходящей под землю. Тор первым ступил на скользкий камень и подал мне руку. Всю дорогу он придерживал меня, что не вязалось с образом грубияна. Я окончательно запуталась в человеке по имени Торвальд Арвид.

Никлас вниз не пошел. Остался наверху. Мы же с Тором спустились в пещеру природного происхождения, расположенную прямо под крепостью. Вероятно, крепость выросла на месте грота, когда-то выточенного морем в камне.

С потолка капала вода, норовя угодить за шиворот, под

ногами хлюпало. На стенах горели факелы. От их неровного света повсюду плясали уродливые тени. Здесь только фильмы ужасов снимать. Отличная натура. Подходящее место для казны, непрощенных гостей точно отпугнет.

Тяжелая деревянная дверь, обитая железом, закрывала вход в казну. Ключ был размером с мое предплечье. Тор вставил его в замок и провернул с помощью охранника – всего их было четверо.

Итак, что имеем: круглосуточная охрана, замок, который в одиночку не открыть. Крепкие мужчины и те не сразу справились. Все по вине сырости и ржавчины, разъедающей железо. Самой проникнуть в казну нечего и думать. А, значит, у меня всего один шанс заpastись средствами. Прямо сейчас.

Мужчины навалились на дверь. Она была выше их роста, словно для великанов. Открываясь, она протяжно скрипела, аж зубы сводило. Но, едва заглянув в казну, я забыла обо всем на свете. Так, наверное, чувствовал себя Скрудж Маг-дак на пороге денежного хранилища. Я, конечно, не ослепла от блеска драгоценностей, но была близка к впадению в протрацию.

– Пошли, – Тор взял факел и первым шагнул в казну.

Внушительные размеры круглого зала такого же естественного происхождения, как и грот, не позволяли охватить все одним взглядом. Слишком много деталей: сундуки, набитые редкими тканями и серебряными монетами. Кольца, сваленные в кучу, точно хлам. Целая Джомолунгма золотых

кубков. Все, что представляло малейшую ценность, хранилось здесь.

Пока я, открыв рот, любовалась казной рода Арвид, Тор держал путь вглубь пещеры. В то время как я боролась с приступом золотой лихорадки, мой спутник был образцом спокойствия. Глыба льда и то более эмоциональна, чем он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.